

Гос. б-ка. Гр. Ар. Знамен.
Публичная б-ка
ОТД. НАЦ. ЛНТ-РЫ

УДАРНИК

литературно-художественной
да общественно-политической
КОМИЖУРНАЛА

3

1940

У Д А Р Н И К

Обязательный
контрольный экземпляр

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОМИ ЖУРНАЛ

ЛЭДЗЁ КОМИ АССР-са СОВЕТСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСЛОН СОЮЗ

№ 3

МАРТ 1940 ВО

У Д А Р Н И К

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КОМИ ЖУРНАЛ

ОРГАН ССП КОМИ АССР

№ 3

МАРТ 1940 ГОД

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНА КОМИ КРАЙЫН

ПАВ. ДОРОНИН

1. ОБЩОЙ ЗАМЕЧАНИЕЯС

Онїя Коми АССР-лөн территория-ыс великой Октябрьской социалистической революция водзвылын административной деление боксянь юксылыс Яренской да Устьысольской уездьяс выль, кытчö пырлысны онїя районьяс: Ленской, Устьвымской, Удорской, Железнодорожной, Сыктывдинской, Сысольской, Летской, Прилузской, Корткеросской, Сторожевской, Устькуломской да Троицко-Печорской. Революциядз кыкнан уездьс пырлысны Вологодской губерния составö. 1918 воын Яренской да Устьысольской уездьясö вöлі пыртöма Северо-Двинской губерняö.

Онїя Печорской районьяс—Усть-Ухтинской, Устьцилемской, Ижемской да Устьусинской (Аранеч сиктöдз) кыдзи революция водзвылын,

сидз жö и революция воясö пырлысны Архангельской губерния составö. Тайö уездьяс костас административной деление серти торьялöмыс вайöдлыс политической олöм боксянь торьялöмö. Октябрьской социалистической революциялөн да гражданской войналөн первой кадся событиеясыс тайö уездьясас развивайтчисны мöда-мöд костас гырысь йитöдьяс-тöг, эз öтмоза. Сöветьясöс большевизируйтöм, коммунистической партиялөн ячейкаяс организуйтöм да эсеровской засилие ликвидируйтöм тайö торья уездьясас мунис разной кадö.

Та вöсна ми Октябрьской революциялысь да гражданской войналысь событиеясö пондам видлавны торья уездьяс кузя.

2. КЫДЗИ УЕЗДНОЙ ДА ВОЛОСТНОЙ УЧРЕЖДЕНИЕ-ЯСЫН ПУКАЛЫСЬ ЭСЕРОВСКО-КАДЕТСКОЙ КЛИКАÖН ВÖЛІ ВСТРЕТИТÖМА ОКТЯБРЬСКОЙ ПЕРЕВОРОТ

Октябрьской революциялөн гыс Коми крайö воис ёна сёрмöмön, торья уездьясö весиг 8—10 тöлысь бöрын. Тайö сёрмöмыслөн помкаыс со мыйын: кор мунисны Россияса центральной карьясын октябрьской событиеяс, Коми крайын некутшöм уездын эз на вöв большевистской партиялөн ниöти организация. Сийö авангардной рольсö, кодöс нуис большевистской партия центральной карьясын Октябрьской революция

подготовитöмын, самой переворотсö нуöдöмын да Октябрьлысь завоеваниеясö ёнмöдöмын, Коми крайын тайö рольсö вöлі нуöдны некодлы.

Та дырйи колö пасйыны сийöтор, мый Коми край вöлі дзыкöдз торьялöма пролетарской центрьясысь, рабочий класс, медся революционной класс, тані революциядз пöшти эз вöв, а основной населениеыс вöлі крестьянство. Коми крайса эсерьяс топыда вöлі йитчöмабсь временной

правительство бердса кругьяскд. Почётной шефон коми крайса эсерьяслон влі эсер Питирим Сорокин—временной правительствоса секретарь. П. Сорокин, Коми крайб нарешнб командируйтом аслас агент Н. П. Зиновьев пыр зілис босытны коми мелкобуржуазной интеллигенцияос эсеровской влияние улб, медым, тайб влияниенас пользуйтчомбн, баллотируйтчаны учредительной собраниеб депутатон Коми край нимсянб.

Эсеровской организацияс торъя уездной центрьясын организуйтчисны 1917 во помын на (Яренскын май 6-бд лунб, а май 25-бд лунб влі оформитчома уездной организация, Устьсысольскын сы гогор жб). Коммунистической партиалон первой ячейкаяссы жб организуйтчисны сомьн 1918 во шорын (Устьсысольскын июнь 16-бд лунб, а Яренскын сомьн сентябрь 1-бд лунб).

Кыдзи февральской да Октябрьской революция кадколастын, сидзжб и Октябрьской революция ббрын, 1918 вося август—сентябрь толсыясодз Коми крайын эсерьяс сулалісны власть дінын да вліны крайын тыр кбзявабн быд учреждениеын, власть быд органын. Эсерьяс быдног зілисны, медым не лэдзны коми сиктьясб Октябрьской революцияб сетом завоеваниеяс да большевистской влияние.

Медводдза советьяс организуйтчисны Яренской уездын. 1917 во май 30-бд лунб Яренскын влі чукортма уездной съезд да учредитчома сидз шусяна „Крестьянской депутатьяслон яренской уездной совет“ (рабочей да салдатской депутатьяс нимсыс яренской эсерьяс полісны—П. Д.). 1917 воын жб июль 23 лунб влі организуйтчома сидз шусяна „Салдатской депутатьяслыс яренской городской совет“, код июль 26-бд лунб отувтчис „Земской служащойяс союзкод“ да пондіс шусыны „Яренск карса салдатской да рабочей депутатьяслон совет“.

Устьсысольскын 1917 воын уездной крестьянской депутатьяс с'езд вылын (август 6—10 луньясб) влі организуйтчома сидз шусяна „Кре-

стьянской депутатьяс советлыс исполнительный комитет“ учитель Вешняков председательство улын. Но тайб нботи эз вбв политической организация кодь, а ёнджыкасб муніс служащойяслон профессиональной союз вылб. Аслас практической уджын сійб сотрудничайтис латкинской земской управакод да клеветничайтис советской правительство вылб. Тайб советыс существуютіс 1918-бд вося январь 18-бд лунбдз да сетис ассыс функцияссб учредительной с'езды.

„Салдатской, рабочей да крестьянской депутатьяслон устьсысольской уездной совет“ организуйтчис 1918 воын январь 17-бд лунб, а Ижмо-Печорской уездын уездной совет организуйтчис сомьн 1918-бд вося сентябрь помын.

Тайб организуйтчом советьяс эз на вбвны пролетариат диктатура органьяслон, эз вбв наын большевикьяслон авангардной рольыс. Найб вліны эсеровской советьяслон. Донъявны кб найб удж да поведение сертиыс, то февральской да Октябрьской революция кадкостын найб вліны большевикьясб клеветайтан органьяслон, а Октябрьской переворот ббрын первой кадас тайб советьясыс пбрины советской власти лы паныд веськодм бруднеб.

Нинбмбн эз торъяв салдатской, рабочей да крестьянской депутатьяслон Яренской городской совет. Кор большевикьяс сувтбдісны вопрос империалистической война дугбдм йылысь, немецкой салдатьяскд братание йылысь да временной правительствосб свергнитом йылысь, Яренской городской совет определитис ассыс политической платформасб июль 26 лунся (1917 во) заседание вылын таdzi: „Всеми силами поддерживать Временное правительство... Строго следить за всеми солдатами, всех, не имеющих документов, задерживать и как дезертиров направлять в распоряжение воинского начальника“.

Петроградын Октябрьской переворот йылысь юбр воим ббрын Устьсысольскын став эсеровской да кадетской кликаыс бти гблбсбн горзис, мый Российской революция гиб-

нитб большевистской насилеысь. 1917-ӧд во октябрь тӧлысьын жб (важ стиль серти) вӧлі Устьысольскын чукӧртма чрезвычайной земской собрание. Тайӧ собрание вылас вӧлі вӧчӧма постановление: „не входить в сношения с большевиками и противодействовать их распоряжениям“. Тайӧ постановление подувылас земской собрание поручитис уездной земской управалы да временной правительствоса уездной комиссарлы не лӧдзы уездб „большевистской зараза“ да большевистской агитация да немжалиттӧг пӧдтыны „большевистской эксцессьяс да анархия“.

Уездной управаса председатель Степан Латкин (коми народлӧн палач) зэв бура пӧртис олӧмб тайӧ постановлениесб: пошта вылӧ воысь став большевистской газетьяс, журнальяс, а сиджб Совнаркомлысь да ВЦИК-лысь декретьяс да распоряженияс сійб соталис 1918 во январь шӧрӧдз кымын.

Татшӧм жб враждебнӧ вӧлі встретитма Октябрьской революция йылысь юбр эсеровской руководствон и Яренской уездной центрын. Октябрь 27-ӧд лунб (важ стиль серти) вӧлі чу-

кӧртма местной самоуправление-ясысь, комитетьясысь да крестьянской депутатьяс советьясысь став председателясӧс да сёрнитӧм бӧрын шумма: „Принять все меры по борьбе с большевистской анархией в городе и уезде“. Та могысь вӧлі постановитма: „Организовать в городе Яренске особый комитет по борьбе с анархией и личной имущественной безопасности граждан“.

И воджб став уджыс примерно 1917-ӧд вося декабрӧдз да январь 1918 воӧдз кымын и Яренской и Устьысольской уездын мунӧ советской правительстволы да советьяслы паныд, нудсьб осьса антисоветской агитация да клевета.

Советской правительстволысь быд выль ыстӧм декрет Коми крайса уездной исполкомьясӧ поздысьбм эсерьяс паныдавлісны чорыд клеветадн да провокациядн.

Кор советской правительство вӧчис предложение Германиялы мир заключитӧм йылысь да заводитчисны мирной переговортас, яренской эсерьяс асланыс уисполкомлӧн печатной орган пыр веськыда сувтісны паныд тайӧ мир заключитӧмыслы.

3. ЭСЕРОВСКО-КАДЕТСКОЙ КЛИКАЛӦН ВОСЬСӦН ПРОТИВОДЕЙСТВУЙТАН ТАКТИКА ВЕЖӦМ ДА СОВЕТЬЯС АС КИӦ БОСЬТӦМ.

Советской власть вынсяліс, эсерьяслӧн воши надея дзик матысса кадын советской правительствос свергнитӧм вылӧ. Провинциальной эсерьяслы да кадетьяслы, кодьяслӧн эз вӧв асланыс некутшӧм вооруженной вын, лон неуна чинтыштны ассыныс гӧлӧсьяссӧ да осьсӧн советской правительстволы паныд мунӧмсб. Восьсӧн паныд мунӧм вермас вайӧдны дзикӧдз власть ас кысыныс воштӧмб. Эсерьяс да кадетьяс зэв крута вежӧны ассыныс тактика декабрын да 1918 вося январын. Найӧ дугдісны осьсӧн советской власты

паныд агитациясысь, признайтисны формальнӧ, мый советьяс единственной правильной законной власть. Паськыд массаяс пиын советьяс пользуйтчисны зэв ыджыд популярность; сы вӧсна коми буржуазной националистьяс да эсерьяс решитисны приспособитчыны советьяс дінӧ, завоюйтны советьяссӧ асланыс влияние улӧ, дзоньнас подчинитны найӧс асланыс политической платформа серти. Эсерьяслӧн да буржуазной националистьяслӧн советьясӧс признайтӧм вӧлі фиктивной признаниедн, тактической манёврӧн. Сб-

ветьясь пырёмон, найо думайтисны кисьтны советьясьос пытшкөсьяныс, советской законьяс дискредитируйтёмон да советской властьюсь мероприятияяс провоцируйтёмон.

Тайо тактика вежом подув вылас яренской уездной учреждениясын пукалысь эсеровско-кадетской клика 1917 воё ноябрь 30 лунё „Яренской газета“ пыр йёзодис ассыс тактика вежомсё. Газета сетис татшом юбртом: „В ночь на 30-е ноября в Яренске образовался военно-революционный комитет. Цель и задача его — быть проводником идей народных комиссаров. Комитетом сразу же смещен начальник милиции“. Вёли ликвидируйтома „Комитет по борьбе с большевизмом и анархией“, а упорнойджыка сопротивляйтчысь элементьясьос сзсь, кызд милицияса начальник Колычевс, вёли вештома удж вылысь. Но военно-революционной комитетё членьясьон пырисны сийо жё „Комитет по борьбе с большевизмом и анархией“ организацияса руководительяс: К. Е. Добряков (временной правительствоса уездной комиссар), А. А. Соколов да мукдьяс.

Кодьяс торыт на видисны лёкысь советской правительствосын руководитысь большевикьясьос, талун пырисны уездной советё руководительясон. Яренской уездной советын да сылөн отдельясын руководитисны сэтшом йёз, кызди С. П. Гулянин, А. А. Черепанов, Н. П. Зиновьев, Д. Батиев, К. Исаков, М. И. Калимов, Ф. П. Чукичев, К. Е. Добряков, Д. Козлов, С. И. Митрошин, А. А. Соколов, Е. М. Едемский, И. П. Митрошин, А. А. Айбабин да мукд эсерьяс, кодьяслөн выступлениясыс да практической уджыс петкодлс, кутшомо найо „радейтоны“ советской властьюс.

Устьсысольской уездной центры эсеровско-кадетской клика сиджё вежис ассыс тактикасё январь 1918 воын да пондис зильны пырдыңны уездной советё. Но Устьсысольскса эсерьяслы яренской эсерьяс дорысь вёли съёкыджык „завоютны“ советьяс. 1917 воын декабрь медбörья луньясё Устьсысольскын организуйтчис Городской совет, кодс сувтис

сразу революционной туй выло, большевистской советьяс платформа выло да пондис грёмитны уездной учреждениясё поздысьом эсеровско-кадетской кликаос. Та вёсна Устьсысольской эсерьяслы да кадетьяслы лонс термасыны формальной „признайтны“ советской власть да ёдйонджык пырны совет составо, медым парализуйтны революционной Городской советлысь уджсё.

Устьсысольскын земской управалысь да мукд уездной учрежденияяслысь контрреволюционной удж разоблачитомын, Октябрьской революциялысь событияыс правильная освещайтомын да декабрь 1917 воын Городской совет организуйтомын тодчана места босьто Мих. Фед. Зайков — салдат-фронтовик. Октябрьской переворот бöрын сийо зэв активная уджало Московской советса салдатской секцияын, кёни вёлины салдат-фронтовикьяс пиысь уна комияс. Москваын зэв бура тодисны, кутшом непримиримой позиция вылын сулалёны Устьсысольской учрежденияса чиновникьяс да нубдöны контрреволюционной агитация массаяс пиын. Сы вёсна Московской совет ноябрь 17-ёд лунё 1917 воын шуис ыстыя Устьсысольскö Зайковс да сыкод тшöтш вит салдат-фронтовикс, медым нубдны советской власть вёсна агитация да организуйтны советьяс Устьсысольской уездын.

Декабрь 7-ёд лунё Зайков воис аслас ёртьяскöд Устьсысольскö. Медым завоютны массаясёс, сийо первой нубдалис собраниеяс карын торья десятаясын, а декабрь 14-ёд лунё выступитс продовольственной управаян уездной начальство водзын, кор найо буретш отвергнитисны советской властьюсь öти распоряжение. Но сёни сылы и сёрнитчысё эз сетны. Сёки Зайков сетис телеграмма Москваö, но телеграммасё сылысь вёли кутöма. Земской управаса председатель Латкин сетис приказ арестуйтны Зайковс большевистской агитация нубдöмысь. Но милицияса начальник эз лысыт арестуйтны сийс. Сёки управаса председатель тшöктис арестуйтны Зайковс кызд фронт вылысь пышйом салдатс да

сдайтны уездной воинской начальники, медым судитны, кыз дезертирѡс. Но воинской начальник сидзжѡ эз лысѣт арестуйтны Зайковѡс. Документѣяс видлалѡм бѡрын Зайковлы сѣѡ разрешитѣс весиг нуѡдны митингѣяс да собранияѣяс. А декабрь помын нин Зайковлы аслас ѣртѣяскѡд удайтчис организуйтны Устьысольскын местной гарнизона салдатѣяслыс да кѡкѣямыс десятаса гражданаѣяслыс ѡтувѣя собрание вылын рабочѡй, салдатскѡй да крестьянскѡй депутатѣяслыс Городской сѡвет.

Кѡтѣ тайѡ Городской сѡветыс олѣс сѡмын кык вежон, но сѣѡ вѡчис зѣв уна. Городской сѡвет первой воськовсѣяныс жѡ петкѡдлѣс асѣыс революционной чужѡмсѡ—пыр жѡ заводитѣс последовательнѡя нуѡдны тыш уездной земской управѡд, продовольственной подкомитеткѡд да муѡд уездной учреждениѣяскѡд, кѡнѣ пукалѣсны эсерѣяс да кадетѣяс да явнѡ противодейсуйтѣсны сѡветской правительстволы. Городской сѡвет пыр дейсуйтѣсны карса беднѡта да большевистскѡя настроенной демобилизованной салдатѣяс.

Городской сѡвет бѡсѣтчис татшѡм мероприятиясѡ:

1. Временной правительствѡса уездной комиссар да земской управа юр вѡмѡн лѡсѡдны революционной пѡрядок Совнарком индѡдѣяс серти, 2) продовольственной подкомитет юр вѡмѡн лѡсѡдны население кѡстын продовольствие юклѡм, 3) сѣѡ разоблачитѣс земской управѡса председатель Степан Латкинѡс большевистской литература да сѡветской властѣлыс декретѣяс уничтожайтѡмыс, 4) местной гарнизон да милиция ѡтсѡгѡн купечѣяслыс реквизируйтѣс дзѡбѡм тѡварѣяс, а магазинѣясса тѡварѣяс печатайтѣс да шуис юкыны карса население кѡстын, 5) распуститѣс городской дума да городской гѡлѡваѡс, 6) шуис не подчиняйтчыны контрреволюционной земской управы, продовольственной подкомитѣлы да временной правительствѡса уездной комиссарлы.

Карса беднѡтаѡн организуйтѡм властѣыс да сѣлѡн крутой революционной мероприятиясыс петкѡдлѡны,

мый эсеровско-кадетской клика кыыс пондѣс мынны инициативаыс да вуджны масса кыѡ. Масса революционизируйтчис да кутѣс дейсуйтны эсеровской земской учреждениѣяс да найѡ руководитѣясыс юр вѡмѡн.

Земской управѡса председатель Латкин, карса сѡвет уджлы паныд, вѡсѣтѣс бѡр купечѣяслыс печатайтѡм лавкаѣяс да бѡр сѣтѣс налы конфискуйтѡм тѡварѣяс. Городской сѡвет решитѣс не признавайтны водзѡ контрреволюционной земской управылыс властѣ, та могыс решитѣс чукѡртны быд вѡлѡстыѣс депутатѣясѡ, медым организуйтны уездной сѡвет. Вѡлѣ ысталѡма устьысольской городской сѡвет нимсѣя торѣя вѡлѡстыѣсѡ обращение да извещениѣяс делегатѣясѡс корѡм йылыс. Управѡса председатель Латкин да земской служащѡй А. В. Старцев тайѡ бумага бѡрсѣыс жѡ ысталѣсны быд вѡлѡстыѡ асѣяныс татшѡм провокационной сѡдержаниѣа бумага: „Советской власти уж в Петрограде не существует, большевики разгромлены, а потому созыв устьысольского уездного с'ѣзда отменяется“.

Тадзи Степан Латкин да сѣлѡн эсеровской приспешникѣяс кѡйисны торкны уездной сѡветлыс подув пуктан учредительной с'ѣзд чукѡртѡм. Тайѡ жѡ кадас, январь заводитчигѡн, Латкин экстреннѡя чукѡртѣс уездной земской собрание да уездной продовольственной с'ѣзд, медым решитны, кызди водзѡ противодейсуйтны „большевистской зараза-лы“, кодѣ збыль вылѡ нин пырис уезд сѡлѡмѡ да дейсуйтѣс Городской сѡвет пыр.

Эсеровско-националистической клика ѡнѣ зѣв бура гѡгѡрвоис, мый вѡсѡсѡн вермасѣны сѡветской властѣкѡд да большевистской влияниѣкѡд ѡз нин позѣ, мый Латкинлѡн вѡсѡсѡн противодейсуйтан методѣясыс абу нин радикальнѡйѡс, мый колѡ вежны тактикасѡ. Кодыр чукѡртчисны чрезвычайной земской собрание да продовольственной с'ѣзд, сѣнѣ вѡлѣ решитѡма тайѡ кыкнан собраниясѡ пѡртны уездной сѡвет организуйтан учредительной с'ѣздѡ, медым тадзи мырддыны Городской сѡвет кысыс инициативасѡ. Решитѣсны шыасѣны

устьсысольскѡй Городскѡй сѡвет дѣ-
нѡ, медым сѣѡ примитѣ участие
уезднѡй сѡвет организуйтѡмын.
Эсерьяслѡн дипломатияс вѡлі зѣв
яснѡй: ѡти-кѡ, медым заменитны
торья вѡлѡстьясѣс Городскѡй сѡве-
тѡн корѡм депутатъясѡс асланыс
йѡзѡн, а мѡд-кѡ, медым асланыс
сторонникъяс большинствоѡн сѡйны
ассыныс кандидатъясѡс уезднѡй сѡ-
ветѡ да тайѡн подчинитны сѡветсѡ
асланыс влияние улѡ.

Земскѡй собрание да продоволь-
ственнѡй с'езд нимсянъ Городскѡй
сѡветса салдатскѡй секциякѡд сѣр-
нитчѡм нубѡдсны буржуазнѡй наци-
оналист Д. Я. Попов (4-ѡд Государ-
ственнѡй думаса член, поп), земскѡй
гласнѡй Мартюшев да временнѡй
правительствоса уезднѡй комиссар
Митюшев, кодѣ ытѣнас на земскѡй
собрание вѡсѣтѣн вѣсѣталѣс сѡвет-
скѡй правительстволы панѣд вѣсѣкѡ-
дѡм контрреволюционнѡй рѣчь.

Городскѡй сѡвет сѡгласитчис учас-
твуйтны уезднѡй сѡвет учредитан
с'езд вылын. Январь 30-ѡд луѡ
вылѣ стилѣ серти вѡссис учредитель-
нѡй с'езд да пуктѣс подув уезднѡй
сѡветлы. Январь 31-ѡд луѡ нин уезд-
нѡй сѡвет вѡчис ассыс первой
засѣдание.

Ѳткымын эсерьяс да националистъ-
яс выдайтѣсны ассыныс секретсѡ
уезднѡй сѡвет первой засѣдание вы-
лын жѡ: кодѣ найѡс ытѣс да кутшѡм
могьясѡн найѡ пырисны уезднѡй сѡ-
ветѡ. Националист Д. Попов первой
засѣдание вылын жѡ вѣсѣталѣс: „Нас
уполномочило войти в комиссию при
совете солдат местного гарнизона
земское собрание“. Тѡдѡмысѣ, тшѡтш
и земскѡй управаса председатель
Степан Латкин да А. Н. Митюшев
выболтайтѣсны уезднѡй сѡвет засѣда-
ние вылын, кутшѡм могьясѡн пырис-
ны эсерьяс да националистъяс уезд-
нѡй сѡвет составѡ: „Мы думали, что
новому органу (уездному совету—
П. Д.) будет придана вся полнота
исполнительной власти только в це-
лях соблюдения тишины и спокой-
ствия, принятия мер для личной и
имущественной безопасности граж-
дан и в устранение самочинных дей-
ствий и насилия со стороны (со
стороны Городского совета—П. Д.)

отдельных групп и лиц и борьбе с
анархией“.

Устьсысольскѡй уезднѡй сѡвет
дзѡньнас сюрис эсеровско-национа-
листическѡй клика кѣѡ. Учредитель-
нѡй с'езд заводитчѡм водзвылын на
эсеровско-националистическѡй блок
лючки эз представляйт, ыджыд-ѡ
власть урчитны уезднѡй сѡветлы
уезднѡй земскѡй управа серти. Ѳти-
яс, кыдзи Н. Митюшев, настаивайтѣс-
ны, мый уезднѡй властьюѡн колѡ
кольны воддза моз жѡ уезднѡй зем-
скѡй управаѡс да временнѡй прави-
тельствоса комиссарѡс, а уезднѡй
сѡвет бѡсѣтны ас киподулѡ, подчи-
нитны управалы да сетны сылы сѡ-
мын полицейскѡй роль.

Но кор уезднѡй сѡветыс дзѡньнас
сюрис эсеровско-националистичес-
кѡй клика кѣѡ, сѣки нинѡмысѣ вѡлі
повны сѡвет нимсыс. Земстволѡн
авторитет вѡлі сѣтшѡма усьѡма мас-
са водзын, мый сѣѡс главнѡй власть
пыдди уездын оз нин вѡлі позѣ коль-
ны. Тайѡс гѡгѡрвоисны и эсерьяс и
националистъяс да весиг асьныс
шуисны учредительнѡй с'езд вылын
тадзи: „Бывшая до сих пор власть
потеряла авторитет, а без него мо-
жет наступить анархия. Потеряли
авторитет и земские и городские са-
моуправления“.

Медводдза мероприятиѡн эсеров-
ско-националистическѡй уезднѡй сѡ-
ветлѡн вѡлі урчитѡма административ-
но-карательнѡй функцияс, медым
видзны асьсѡ устьсысольскѡй Город-
скѡй сѡветлѡн январскѡй сѣма выс-
туплениеясыс. Та серти рѣшитѡма:
„Уездный совет пользуется властью
прекращать всякие нарушения зако-
нов (дѣрт, не сѡветскѡй правитель-
стволыс законъяс... Уезднѡй сѡвет
эз признавайтлы Совнаркомѡс закон-
нѡй властьюѡн—П. Д.) и не подчиняю-
щихся законам брать под стражу ме-
рами милиции с немедленной переда-
чей суду по подсудности“.

Став мукѡд вопросъяс кузя рѣше-
ниеясыс учредительнѡй с'ездлѡн да
устьсысольскѡй уезднѡй сѡветлѡн
мунѣсны эсеровско-националистичес-
кѡй лозунгъяс улын, сѡветскѡй
властьлыс декретъясѡс да распоря-
жениеясысѡ вѣсѣкыда дискредитируй-
тѡмѡн да ревизуйтѡмѡн.

Учредительной с'ездлы да выльсь организуйтчом устьсысольской исполкомлы колб в'олі определитны ассыныс платформа советской правительство дінб отношение кузя. Дерт, с'езд вывса унджык участникыс суладісны явб враждебной позиция вылын, но тайбс восьмб шуны масса водзын, медся нин карса мас-саяслбн январской выступление ббрын, эз позь; колб в'олі постановлениеяс гижны дипломатичной. И збыльсь в'олі в'обма тайбс дипломатичной, татшбм постановление примитбм: „Считаться с центральной властью постольку, поскольку распоряжения клонятся ко благу местного населения“... Татшбм установка сетіс учредительной с'езд 1918 воын январь 17-бд лунб.

Татшбм постановление подув вылын эсеровско-националистической уисполком ревизуйтис либб отвергайтис советской правительствольсь быд декрет, быд распоряжение.

Медым советьясын мездьсыны большевистской элементьясыс, а сідзжб ордны центрсян большевистской влияние уезд вылб, в'олі шубма: „Необходимо создать власть беспартийную, партийность в Усть-сысольске не развита“.

Но тайб в'олі сетб этша на гарантия устьсысольской уездса эсерьясы да националистьясы. В'олі сувтбдбма вопрос, мый колб торйбдчыны коми крайлы Малороссия да Финляндия моз автономияб. Тайб подув вылын в'олі примитбма решение, мый уездной совет колб объявитны верховной властьюн, сетны сылы тыр законодательной функцияс, медым тайбн дзикбдз мездьсыны советской власть зависимость улысь. Тайб могсб зев бура висьталбма Н. Митюшев кывьясбн: „Верховная власть необходима потому, чтобы не считаться с центральной властью в полной мере“.

Окончательной верховной власть йылысь вопроссб сформулиуйтис буржуазной националистяслбн вожак—Д. Я. Попов тадзи: „Наша власть будет единой, верховной. Как же быть с центральной властью? Если будем исполнять все распоряжения

ея, то это будет мешать принципу верховности нашей власти... Если мы увидим, что распоряжения центральной власти правильны, то согласимся, если неправильны—не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения их полезности, а не партийности... Я как бы предreshаю вопрос об автономии края, но прошу не забывать, что зыряне имеют право и на большее“...

Уездной земской управабс да волостной земствобс в'олі кольбма. Став хозяйственной да культурно-агитационной удж в'олі кольбма земство киб, земской управа веськбдлбм улын. Уездной совет босьтис ас вылас сомьн бти обязанность: „Направлять и контролировать учреждения города и уезда“, а бстальнойсб ставсб в'олі сетбма, кыз шуасы, „на полный откуп“ уездной земской управалы.

Уездной совет да земство костын отношениеяс йылысь зев ясной в'олі пасйбма устьсысольской уездной совет решениеясын: „Кто идет против земства, тот идет против советской власти“; „Земство всегда должно рассчитывать на помощь совета“; „Надзор за законностью действий волостных земств принадлежит уездному земству“; „Отношения волостных земств с другими уездными учреждениями сохраняются в порядке подчиненности на прежних основаниях“; „по смыслу наших главнейших резолюций в учреждениях, которые нами сохраняются, в тех и лица сохраняются те же“.

Став тайб пунктьясыс тыдалб, мый уездной совет став властьюсб коліс уездной да волостной земской да продовольственной управаяс киб да став контрреволюционной чиновникьясб коліс аслас местаясб, весиг Латкинбс да Старцевбс, кызди земской служащбйясбс, коліс асланыс должностьяс вылб.

Но уездной совет нинбм вылб эз вермы колны Городской советбс, коді карса беднота отсбгбн заводитліс грбмитны контрреволюционной земской да продовольственной управабс да „бббдитны“ купечьясбс, тор-

гѡвечьясѡс. Уездной сѡветѡ пырѡм эсеровско-кадетскѡй клика пыр жѡ распустилис Городскѡй сѡветѡс да сылыс функциясѡс сетис Городскѡй думалы.

Став мукѡд вопросяс кузя усть-сысольскѡй уездной сѡвет ревизуй-тис да отвергайтис ВЦИК-лыс да Совнарком-лыс декретяс да распоряжениеяс асланыс формула серти: „Считаться с центральной властью постольку, поскольку“...

Сидз, сѡветскѡй властѡн ЗАГС йылыс выль закон эсеровско-националистическѡй кликаѡс вайѡдис негодованиеѡдз да тайѡ законсѡ вѡлі отвергнитѡма уездной сѡвет вылын.

Сидз жѡ продовольственнѡй вопрос кузя да реквизицияс кузя Совнарком-лыс распоряжениесѡс вѡлі отвергнитѡма. Уездной сѡвет вылын вѡлі предложитѡма продовольственнѡй вопрос разрешитны куим способѡн: „Первое—это предложить имущим продавать хлеб добровольно по цене 8 рублей за пуд, второе—применять реквизицию по твердой цене 6 рублей за пуд, и третье—в случае отказа отбирать хлеб при помощи вооруженной силы за половину твердой цены“.

Кѡтъ збыльвылас тайѡ предложениес кулакяс да купечьяс кузя вѡлі зѡв либеральнѡй, но уездной сѡветса членяс пѡвстын тайѡ кыпѡдис ыджыд негодование да возмущение: Уездной сѡветса ѡти член аслас выступлениеын зѡв бура петкѡдлис став мукѡд членьяслыс отношениесѡ реквизиция дѡнѡ татшѡм кывьясѡн: „Первый способ я приветствую, второй—уже насилие, а третий прямо возмутителен. Кто из нас помогал добывать ему этот хлеб — никто, следовательно, никто не имеет права и поступать так... Этот способ есть заглядывание в чужой карман... Чтобы не обижать продавцов хлеба, надо повысить цены до 10 рублей за пуд“.

Весиг мартовскѡй уездной с'езд вылын 1918 воын нянь реквизиция вѡлі отвергнитѡма татшѡм мотивировкаѡн: „Как в волостях у имущих реквизировать хлеб? Без убийств не обойдется. Некоторые и неимущие

стоят за имущих... Реквизиции вызовут в деревне эксцессы и усилят классовую борьбу“.

Вѡлі рекомендуйтѡма тѡргѡвечьяслы да купечьяслы ас вѡляыс вузавны нянь 15—20 шайтѡн пуд вѡльнѡй цена серти, а продовольственнѡй управы заготовитны 46 вагон нянь, та вылѡ деньгасѡ купечьяслыс 690.000 шайт заѡм улѡ босѡтѡмѡн. Весиг кулакьяслыс денежнѡй контрибуция босѡтѡм вѡлі отвергнитѡма уездной сѡветѡн.

Сидз жѡ вѡлі отвергнитѡма январь 22-ѡд лунѡ (1918 воын) Совнарком-лыс декретсѡ судебнѡй органьяс йылыс, а босѡтѡма основа пыдди судпроизводственно самодержавиелыс судебнѡй закон—„Закон о нижнем и верхнем волостном суде от 25-VI 1912 г.“

Зѡв аслыснога та серти мотивировкаыс эсеровскѡй уездной сѡветлѡн: „Нас не устраивает декрет центральной власти, уничтожающий прокурорский надзор, следователей и предлагающий должность комиссара юстиции... Можем ли мы воспользоваться декретом центрального правительства? Очевидно, нет. Декрет Совета Народных Комиссаров не указывает законов, их придется создавать нам... Нам нужен Народный суд, а закон Совета Народных Комиссаров говорит об участковых мировых судьях, которые не могут справляться делом по географическим условиям и не могут считаться с нуждами народа“.

Устьсысольскѡй уездса эсеровско-кадетскѡй кликалѡн сѡветскѡй правительстволыс упорствуйтѡмыс вайѡдис сѡтшѡм казуснѡй случайсѡ. 1917 вося расходяс вевтѡтѡм вылѡ Совнарком лѡдзис земствояслы 200 миллиѡн шайт кредит. Устьсысольскѡй земскѡй управа аслас смета серти эз вермы вевтѡтѡны ассыс расходьясѡ дзонь кык тѡлысыс, земскѡй служащѡйяслы удждонсѡ абу вѡлі мынтѡма куим тѡлысыс, а начальнѡй школеса учительяслы куим тѡлысыс вѡлі чинтѡма джын жалованиесѡ. Но земство эз лыдды кола-наѡн сѡм корны сѡветскѡй правительстволыс. Февраль 21-ѡд лунѡ

1918 воын земскій собрание вылын ёти гласной медбёрын шыёдчис земскій собрание дінб, мый быть колб съомла шыасьлыны Совнаркомб.

И век жб земскій собрание эз шыась съомла советскій правительствб дінб, съом корбм йылысь телеграмма сетіс ликвидируйтбм лесной департаментб.

Оти тайб фактыс нин петкбдлб, кутшбм враждебнб относитчисны Устьысольскын советъяс ним улб дзёбсьбм эсеръяс Октябрьскій завоеваниеяс дінб да советскій правительствб дінб.

Торъя нин уна эсеровско-кадетско-националистическій клика, кызд учредительной с'езд вылын, сідз жб уездной совет организационной заседанияяс вылын болгыс автономияб выделитчбм йылысь, а збыль вылб советскій Россияысь торйбдчбм йылысь. Местной националистъяслбн вожак поп-растрига Д. Я. Попов, уездной совет заседанияяс вылын тадзи формулируетс местной буржуазной националистъясслысь планъяс-сб: „Мы создали верховную власть, после чего я могу свободно сказать вам о чрезвычайной важности автономии для нашего края... Нужна ли нам, зырянам, автономия? Можем ли жить самостоятельной жизнью, сами издавать законы, или будем подчиняться тем законам, которые издает центральная власть? Мы требуем управления по собственным законам. Мы требуем, чтобы все богатства края перешли в полное распоряжение зырянского народа... В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в американских соединенных штатах. (Структура Социалистической Советской Федерации не по вкусу буржуазному националисту—П. Д.). Законы мы издадим сами, согласно нужд жизни, и нам принадлежит не только исполнительная, но и законодательная власть... Если нам откажут в этом, тогда мы обратимся ко всем зырянам, живущим в других губерниях: в Пермской, Архангельской и за Уралом. Если даже нас нигде не признают—стесняться нечего. У нас громадные богатства, которых не касалась еще

человеческая рука... Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к созданию своей автономной единицы, не считаясь с требованиями и интересами других... Не надо упускать благоприятного времени для создания автономии; когда Россия придет в устойчивое положение, будет уже поздно и придется жить по чужим законам“.

Татшбм сяма контрреволюционной выступлениясыс мунісны уездной совет трибуна вывсьянь да петкбдлісны, мый коми буржуазной националистъяс асланыс практической уджын вбліны зэв откровеннойбсь. Советъясб пырбмбн, найбс асланыс руководство улб подчинитбмбн, уджалысь йбзлбн власть форма улб дзёбсьбмбн, найб яндысьтбг советъяс пыр нубдісны буржуазной политика. Эсеровско-кадетскій блоккбд топыда йитчбмбн, найб мбдарб бергбдісны устьысольскій городскій советбн заводитбм мероприятияяс да ликвидируйтисны весиг Городскій советсб. Купечьяслысь да кулакъяслысь реквизицияяс да контрибуцияяс вблі отменитбма, частникъяс ордысь босьтбм тбваръяс да прбдуктаяс ббр сеталбма налы, купечьяслы да кулакъяслы предложитбма вузасын няньбн вбльной цена серти, сбмын медым не применяйтны на дінб конфискацияяс да реквизицияяс.

1918 во март помын вблі чукбртбма уездной советлысь очередной с'езд и тані дзоньнас примитбма эсеровско-кадетскій кликабн да буржуазной националистъясбн учредительной с'езд да тайб с'езд кадколастб выработайтбм платформа и ббрийбма эсеровско-националистическій исполком.

Кодъяс пукалісны учредительной с'ездбн ббрийбм уездной совет составын? 1) протоиерей Малевинский, 2) воинскій начальник, военно-полевой трибуналбн ббрынджык лыйлбм контрреволюционеръяс, кыззи: И. Петроканский, Л. А. Ленин, Харыюзов, Веллинг, Н. Митюшев, сэтшбм известной контрреволюционной националистической элементъяс, кыззи Д. Попов, А. Мартюшев, В. Конанов, А. В. Старцев да мукбдъяс. А мар-

товской с'езд вылын уездной советса исполнительный комитет пырысны асланыс контрреволюционной уджон мянны тѳдса йѳз: Д. Попов, А. Мартюшев, Е. Напалков, А. Чеусов, Я. Потапов, В. Конанов да мукѳдьяс.

Мартовской уездной с'езд нинѳм вильтор эз решит, сѳмын вынсѳдѳс контрреволюционной решениеяссѳ да вильыс дѳмыштѳс воддза с'ездлыс решениеяссѳ: отменитѳс Городской совет местаѳ организуйтѳм городской дума да отменитѳс волостной советьяс пыдди кольѳм волостной земской управаяс.

Некымн кылѳн кѳ донъявны январской учредительной с'ездлыс да мартовской с'ездлыс уджѳс, колѳ шуны, мый рабочѳй, салдатской да крестьянской депутатьяслѳн уездной совет дзоньнас вѳлѳ захватитѳма эсеровско-кадетской да буржуазной националистической кликаѳн. Кодьяс тѳрыт на лѳкыс чушкисны советской властьюс да сылыс руководительяссѳ тыртѳсны нйит клеветатѳн, талун лоины уездной советын руководительясѳн. Последовательнѳя большевистской платформа вылын сулалыс устьысольской Городской советѳс, кодѳ аслас кык вежонья деятельностьѳн вѳчис сы мында удж, вѳлѳ распуститѳма уездной советѳн да сылыс функцияяссѳ сетѳма городской думалы.

ѳнѳ эсеровско-кадетской кликалы татшѳм победа получитѳм бѳрын колѳ вѳлѳ кызкѳ мездыны революционной судыс ассыныс Латкин другѳс. Латкин дыр кежлѳ на эськѳ коли земской управаса председателѳн, но революционной карса масса давление улын эсеровской уисполкомлы лои медбѳрын „жертвуйтны“ Латкинѳн—снимитны сѳйѳс управаяс да босытны следствие улѳ, а медбѳрын кымынкѳ сутки кежлѳ весиг арестуйтлыны. Но март 27 лунѳ мартовской с'езд вылын эсеровско-кадетской клика мездѳс контрреволюционер Латкинѳс да Старцевѳс татшѳм мотивировкаѳн: „Сейчас у нас организована Верховная власть. Ради этого важного события передать эти дела забвению и дать осужденным

амнистию. В момент такого народного торжества Верховная власть может оказать этот высокий акт милости“.

Дзик невернойѳсь выводьясыс сѳшѳм сикас „историкьяслѳн“, кодьяс зѳльѳны тайѳ кадся эсеровско-националистической устьысольской уездной советѳс рекламируйтны кидзи подлинной советѳс.

Цембер сяма „историкьяс“ кѳ шуѳны: „Октябрьская революция в гор. Устьысольске произошла в январе 1918 года... Учредительный уездный с'езд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, происходивший 17 января 1918 года, является наиболее важным с'ездом, отразившим Октябрьскую революцию“, то татшѳм утверждениеясыс вреднойѳс нинѳм абу. Вылын вайѳдѳм примерьясыс зѳв бура петкѳдлѳны, мый 1918 воын на январской советлѳн с'ездьяс и наѳн бѳрийѳм исполнительный комитетьяс некутшѳма эз отражайтны Октябрьской революциялыс завоеваниеяссѳ. Мѳдарѳ, тайѳ с'ездьяслѳн став мероприятиеясыс вѳлѳ веськѳдѳма советской правительстволыс декретьяссѳ да распоряжениеяссѳ дискредитируйтѳм да ревизуйтѳм вылѳ. Некутшѳма сайѳдчытѳг уездной советса членьяс лыддисны советской правительствѳс „недоразумениеѳн“ и асланыс антисоветской агитацияѳн и земельной, и финансовѳй, и продовольственной вопросьясын полной саботаѳн зѳлисны масса пиын да служащѳй пиын кыпѳдны недовольство, медым веськѳдны тайѳ недовольство советской властьюс паныд. Уездной советѳ поздысын эсеровско-националистической кликалѳн (январса, мартса и июльса составын) вѳлѳ ѳти курс—советской правительствѳс свергнитѳм вичысыѳм, кулацкой восстаниеяс да вооруженной интервенция вылѳ ориентация кутѳм.

Танѳ жѳ кыв-мѳдѳн колѳ висьтавыны и вылыс Печораса (Щугорской да Тр-Печорской) вѳлѳстыясын организуйтѳм советьяс слаблун йылыс. Подув помкаѳн тайѳ слаблуныслы вѳлѳ сѳйѳ, мый тайѳ вѳлѳстыясыс вѳлѳны медся беспризорной вѳлѳстыясѳн. Советьяс организуйтчан кадѳ

Печера катыдса вѡлѡстьяс ислалісны устьсысольскѡй да чердынскѡй уездъяс костын: ѡтисыс вѡлі торйѡдчыны заводитѡма, а мѡдас абу на лючки пырѡма. Кыкнан уезднѡй центрысь ыджыд расстояниеѡн торъялѡмѡн (Устьсысольскыянь 400 км., а Чердынскыянь 800 км.) да сѣсянь некутшѡм конкретнѡй ѡтсѡгтѡг, волостнѡй сѡветъясѡс вѡлі лѣздѡма асланыс инициатива былѡ. Но та былѡ видзѡдтѡг, местнѡй сѡветъяс, кыззи Троицко-Печорскѡй сѡвет, петкѡдлісны первой кадсянь зѣв ыджыд революционнѡй инициатива да последовательность. А. Пыстин (уральскѡй рабочѡй) веськѡдлѡм улын март помын жѡ сѡвет вѡчис решение, не сетны кылѡдны заготовитѡм сортовѡй вѡр „Стелла—Поляре“ да „Уильсен-Стампе“ капиталистическѡй леснѡй фирмаяслы, а босьтны тайѡ вѡрсѡ вѡлѡстьяс гѡль йѡз нуждаяс былѡ да местнѡй сѡветлысь финансъяс бурмѡдѡм былѡ. Сѣки леснѡй ведомство, почтовѡй отделение ѡтсѡгѡн, муніс подлог былѡ. Леснѡй ведомствоса чиновникъяс да леснѡй фирмаса довереннѡйяс гижисны подложнѡй телеграмма Совнарком нимсянь, бытъѡ Ленин кырымпас улын. Телеграммаѡ вѡлі гижѡма, мый пырысь-пыр жѡ бѡр колѡ сетны леснѡй фирмаяслы став вѡрсѡ. Волісполком чайтис, мый збылысь тайѡ телеграммаыс Ленинсянь да сетис разрешение кылѡдны вѡр. Апрельын да майын Троицко-Печорскѡй волостнѡй сѡвет заводитліс

кулакъяслысь да купечьяслысь реквизируйтны нянь запасъяс, но кулакъяс сетисны зѣв чорыд ѡтпор. Кулакъяс сувтѡдісны асланыс амбаръяс да лавкаяс дѡвѡ вооруженнѡй охрана, грѡзитчисны лыйлыны, кодкѡ кѡлысьтас матыстчыны на амбаръяс дѡнѡ. Волостнѡй сѡветлы лѡи энѡвтчыны реквизицияысь сы вѡсна, мый сылѡн эз вѡв некутшѡм вооруженнѡй вын. Кодыр шыясисны ѡтсѡгла устьсысольскѡй уезднѡй сѡвет дѡвѡ, сѡйѡ некутшѡм ѡтсѡг эз сет и кулакъяслысь реквизиция нудѡны эз тшѡкты. Но тшыглун да кулацкѡй засилие заставитис Троицко-Печорскѡй сѡветѡс действовуйтны уезднѡй сѡвет юромѡн. Май тѡлысын 1918 воын сѡветса председатель, весиг сѡветса мукѡд членъяскѡд сѡгласуйтѡг, гижис письмѡ да гусьѡн ыстис сѡйѡс Якшаѡ, кѡні сулалис красноармейскѡй отряд. Письмѡын вѡлі гижѡма кулацкѡй засилие йылысь, гѡль йѡз тшыгъялѡм йылысь да корѡма исполкомлы ѡтсѡг. Май тѡлысь 1918 воын первой пароходъяс вылын жѡ воис красноармейскѡй отряд Якшаысь. Тайѡ отрядыс нудѡис военнѡй контроль печераса катыд вѡлѡстьясын, кулакъяслысь босьтис лишнѡй нянь да обложитис найѡс контрибуцияѡн. Тайѡн сѡйѡ мездис беднѡтаѡс тшыглынысь. Но красноармейскѡй отряд муѡм бѡрын печераса катыд вѡлѡстьяс колины бара ас кежас, кулацкѡй элементъяс да налѡн агентъяс засилие улын.

4. КОММУНИСТИЧЕСКѡЙ ЯЧЕЙКАЯСЛѡН ОРГАНИЗУЙТЧѡМ, ЭСЕРОВСКО-КАДЕТСКѡЙ КЛИКАѡС РАЗГРОМИТѡМ ДА СѡВЕТЪЯС БОЛЬШЕВИЗИРУЙТѡМ

Устьсысольскѡй уездын, кыззи висътавлім нив, 1918-ѡд вося январскѡй учредительнѡй сѣзд вылын да мартовскѡй ѡчереднѡй сѣзд вылын вѡлі формальнѡ пунктѡ-

ма подув рабочѡй, салдатскѡй да крестьянскѡй депутатъяс уезднѡй сѡветлы, но збыльылѡ тайѡ сѡветъясас верховодитисны да став направлениесѡ уджас сетисны эсеръяс, на-

ционалистъяс да кадетской платформе вылын сулалысь йӧз, кодъяс Россиялысь спасение аддзисны сомьын ограниченной монархияын. Став тайӧ кликаыс аддзис ӧтувъя кыв, ӧтувъя платформа—советской властылы паньд тышкасьом да буржуазной автономияӧ торйӧдчӧм. Кӧть формально уездной советын вӧліны кыз быттӧ торъя партиясысь представителяс (эсерьяслӧн партия, „общество обновления местной жизни, „националист-автономистьяслӧн партия“) но платформа серти некутшӧм торъялӧм, на костын эз вӧв.

Медся сӧкыд вӧлі положение уездын финансыс боксян да продовольствие боксян. Эсеровской уездной совет, кыззи водзын и земской собрание, первойсӧ эз кӧсйи советской правительстволысь корнысьом. Служащӧяслы 1918-ӧд вося январь кежлӧ абу вӧлі мынтылӧма жалованиесӧ куим тӧлысьыс. Эсеровской деятельс тадзи нарошӧ зилисны кыпӧдны недовольство служащӧяс пӧвстын, медым тайӧ недовольствосӧ вуджӧдны большевикъяс вылӧ. Продовольствие боксян делӧ вӧлі дзескылджык на. Уна местаын, а медся нин Эжва катыдса вӧлӧстьяс, заводитисны сӧйны кач. Вишера вывсян воалісны юбръяс, мый тшыгла кулісны нин некымын морт. Но мартовской уездной съезд вылын на эсеровской совет ӧткажитис реквизициясь, кыз массовый мераыс. Кӧть вӧлі шудма ӧнӧ вӧчавны частной реквизицияс, но тайӧс олӧмӧ эз вӧв пӧртӧма.

Уездной исполкомӧ поздысьом тайӧ эсеровско-кулацкой кликасӧ вӧтлӧмын ыджыд роль бара жӧ ворсис Городской совет гӧгӧр организуйтчӧм карса да карбердса десятиаясысь беднота. Январь тӧлысьын кӧ карса беднота Городской совет пыр разгромитис уездной земской управаӧс, то ӧнӧ карса бедноталы бара коvmис кыпӧдчывны, медым весавны уездной советысь революциялы врагьясӧс. Городской совет да эсеровской уездной совет костын тайӧ столкновениеыс пансис, сидз шусяна, „човской делӧ“ кузя, човса купеч-арендаторлысь муяссӧ да имениеяссӧ национализируйтӧм кузя... Эсеровской уис-

полком покровительство улын човса владедецъяс, купеч Кузьбожевъяс колины дзик вӧрзӧдлытӧмӧсь. Городской совет да городской земотдел требуйтисны уисполкомлысь, медым сійӧ мырддис Кузьбожевъяслыс имениесӧ став имуществонас да видзмунас. Уисполком та йылысь вӧчис специальной постановление, мый Кузьбожевъяс кольӧны законной владедецъясӧн. Кузьбожевъяс збоймисны: найӧ Горсоветлы паньд мероприятие пыдди тупкисны на имение пыр муан миртуй да вӧтлісны на керкаӧ овмӧдӧм ӧти беднякысь семьясӧ.

Сэки Горсоветса председатель да городской земельной отделса председатель Кудинов организуйтӧны нижнеконской крестьянаӧс июль 13-ӧд лунӧ сувтны паньд уездной совет постановлениелы да мувӧны човской имениеӧ да заводитӧны выселяйтны Кузьбожевъясӧс. Кузьбожевъяслы вӧлі сетӧма срок мӧдлун 9 часӧдз весасьны асланыс имениеыс. Кор та йылысь кывсис уездной исполкомӧ, сійӧ тшӧктис исполкомса член А. А. Чеусовлы да милицияса начальник Евтушенколы мунны милиция отрядӧн мездыны Кузьбожевъясӧс. Евтушенко да Чеусов арестуйтисны кыпӧдчысыс пиысь вит мортӧс, а Кузьбожевъясӧс, расправаысь мездом могысь, вайӧдисны карӧ уисполком защита улӧ, а налысь имение видзны колісны милицияӧс сэтшӧм приказӧн: „Заводитасны кӧ крестьяна суйсыны имение дінӧ—луйлыны на кузя.“ Сэки нижнеконской беднота 300 кымын морт, мыйӧн сюрӧ вооружитчӧмӧн, уськӧдчисны карӧ милиция помещениеӧ да кутисны корны Евтушенкоӧс да уисполкомса председатель А. Мартюшевӧс. Найӧ кыкананьс дзесбисны. Сэк кыпӧдчысыс разоружитисны милицияӧс (мырддисны 14 шашка, 23 винтовка да 2 револьвер) и мездисны арестуйтӧм ӧртъясӧ. Городской земельной отделса председатель Кудинов 5 морткӧд мунис бӧр Чов имениеӧ, медым снитны сӧсь уисполкомлысь охранасӧ. Кор найӧ кутисны матысмыны Кузьбожев дом дінӧ, милиционер заводитис лыйлыны да виис Кудановӧс. Эсеровской уисполком тайӧ кадас

шыасис отсѣгла архангельскѣй военнѣй комиссар Ларионов отряд дѣлѣ, кодѣ вѣлі буретш сѣк кайѣ Сыктывкар пыр Печора вылѣ кулацкѣй террористическѣй группаяс ликвидируйтѣм могысь. Ларионовс вѣлі информируйтѣма, мый карын заводитчис контрреволюционнѣй выступление. Степан Ларионов локтис отрядѣн эсеровскѣй уисполкомлы паныд кыпѣдчысѣяс дѣлѣ да тшѣктис бѣр сетны милициялысь мырддѣм оружие да разѣдчыны гортаныс. Оружие вѣлі сдایتѣма, йѣзыс бѣр разѣдчисны. Июнь 14-ѣд лунѣ уисполком постановление серти Ларионов арестуйтис Горсоветса председателѣс кызди выступлениеса руководителѣс. Медым успокоитны общественнѣй мненіе революционнѣй выступлениелысь руководителѣсѣ вѣм да арестуйтѣм кузя, эсеровскѣй уисполком йѣзѣдіс газета пыр татшѣм воззвание:

„Спокойствие, граждане! Не поддавайтесь своим страстям. Не идите за тем, кто ведет вас против народной власти... Зачем оружие, кровь? Это только при царском режиме народ с оружием в руках вставал на защиту своих прав. А мы в этот тяжелый момент поднимаем против своей советской власти (колѣ гѣгѣрвоны эсеровскѣй уезднѣй сѣветлы паныд—П. Д.). Опомнитесь, граждане, у вас есть другое оружие—это слово“.

Но тайѣн эз удайтчы эсеровскѣй уисполкомлы пѣрѣявны массаѣс човскѣй делѣ кузя да карса бедноталысь выступлениесѣ квалифицируйтны контрреволюционнѣй выступлениеѣн.

Ларионов аслас большевистскѣй чутѣѣн сразу гѣгѣрвоис, кодѣ тан друг да враг сѣветскѣй властѣлѣн и сѣйѣ жѣ лунас бѣр тюрьмаысь мездис выступление кузя арестуйтѣм руководителѣсѣс.

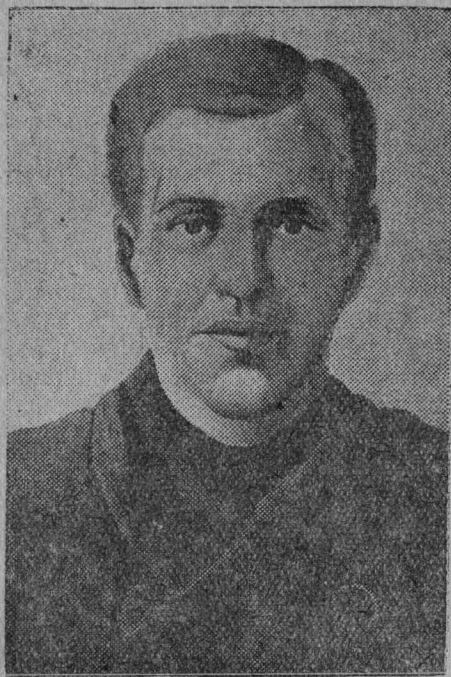
Июль 15-ѣд лунѣ 1918-ѣд воын вѣлі чукѣртѣма Городскѣй сѣветлысь чрезвычайнѣй собрание да корѣма тшѣтш уезднѣй сѣветса представителѣсѣс. Тайѣ заседание вылас Ларионов отрядса 3 коммунист да горсоветса членѣяс разоблачитисны уезднѣй исполкомса торѣя членѣяслысь антисѣветскѣй уджсѣ. Уиспол-

ком президиум адрес кузя вѣлі суетѣдѣма сѣтшѣм обвинениеяс, мый уисполком: 1) травитѣ военнослужащѣйяслысь союз, 2) разрешаитѣ сѣтшѣм контрреволюционнѣй организация, кыздз „Союз духовенства и мирян“, 3) ѣнѣдз эз разоружит буржуазияс да офицерѣясѣс, 4) некутшѣм агитация да митингѣяс оз нудѣ сѣветскѣй власть укрепитѣм могысь, 5) ѣнѣдз эз тупкы духовнѣй училище, 6) кѣсйыліс арестуйтны военнѣй контроль Андриановс да эз лѣдз газетаѣ уисполкомлысь уджсѣ разоблачитан сылысь статья, 7) эз национализируют частнѣй типография, 8) арестуйтис большевистскѣй агитация нудѣдмысь ѣти салдат-большевикс, 9) эз освещайт агитаторѣяс пыр да печать пыр центры мунан событияс да сѣветскѣй властѣлысь декретѣяс да распоряжениеяс.

Тайѣ заседание вылас жѣ вѣлі постановитѣма вѣтлыны уезднѣй уисполком президиумысь Мартюшевс (председатель), В. Конановс, А. А. Чеусовс да милицияса начальник Евтушенкос.

Степан Ларионов, кыздз большевик, тырвѣй донѣяліс уездын тревожнѣй положениесѣ да 1918 воын июнь 16-ѣд лунѣ чукѣртис организационнѣй собрание коммунистическѣй партияса членѣяслысь да сочувствующѣйяслысь и тайѣ собрание вылас вѣлі пунктѣма устьсыольскѣй первой коммунистическѣй организациялы подув да бѣрѣйѣма коммунистическѣй партиалѣн организационнѣй комиссия. Ларионов собрание вылын тѣдчѣдіс, мый коммунистѣяслы колѣ бѣсѣтны авангарднѣй роль уезднѣй да волостнѣй сѣветѣясын да пѣщадатѣг тышкасыны революция врагѣяскѣд.

Човскѣй событиясѣскѣд йѣтѣдын уезднѣй исполком президиумысь нѣль эсеровско-националистическѣй деятельсѣс вѣтлѣм бѣрын эз на вѣв уезднѣй сѣветсѣс дзикѣдз мездѣма эсеровско-националистическѣй кликаысь. Кор (июль 4—10 лунѣясѣс) 1918 во шѣрын вѣлі чукѣртѣма уезднѣй сѣветѣясысь коймѣд сѣезд (учредительнѣй с'ѣздсѣ кѣ лыддѣыны первойѣн), местаяс вывсынь воисны унакодѣ эсеровскѣй кулацкѣй депутатѣяс. Тайѣ с'ѣзд вылас 99 депутат

С. Ларионов.

инысь вѳлі нин коммунистическѳй партияса член 21 депутат да 10 сочувствующѳй, но практическѳй вопросъяс разрешайтѳн удельнѳй весыс коммунистъяслѳн эз на вѳв тырмынѳн. Тайѳ жѳ с'езд вылас вѳлі 32 морт эсеровскѳй депутат, 34 беспартийнѳй да 2 националист. Основнѳй вопросъяс разрешайтѳн эсеровскѳй клика бара пондѳс диктуйтны.

Тайѳ с'езд вылас вѳлі сувтѳдѳма обсуждение вылѳ беднота комитет организуйтѳм йылысь Совнаркомлысь июль 11-ѳд лунся декрет. Тайѳ декретыс индѳс веськыд туй, кыдзи правильнѳй разрешитны продовольственнѳй вопрос да мездыны беднотаѳс тшыгъялѳмысь. Комбедъяс йылысь вопрос вѳлі веськѳдѳма сельскѳй эксплуататорскѳй классъяслы паныд.

Эсеръяс, дерт, эз вермыны примитны комбедъяс йылысь декрет. Та вылѳ налѳн вѳлі зэв бур лазейка: „декреты и распоряжения центральной власти признавать постольку, поскольку“... Комбедъяс йылысь дек-

рет вѳлі отвергнитѳма. Беднота комитет йылысь декрет отвергнитѳмѳн эсеръяс вайѳдѳсны уездсѳ катастрофическѳй положениѳдз.

Беднота комитет йылысь декрет отвергнитѳм кузя ассыс контрреволюционнѳй действиеяс оправдайтѳм могысь июльскѳй (1918 во) с'езд йѳзѳдѳс местнѳй газетын татшѳмтор: „Съезд после долгих прений отверг об устройстве деревенских комитетов бедноты, как учреждения, могущего навлечь в деревнях раскол, как учреждения, дающего возможность одной части населения деревни жизнь за счет трудов другой. Во избежание будущих принудительных реквизиций хлеба, съезд постановил немедленно принудить всех купцов приступить к заготовке товаров“.

Тайѳ постановление кывъясысь тыдовтчѳ, мый эсеровскѳй уезднѳй с'езд не толькѳ эз нуд кулакъялысь реквизицияяс, но весиг осудитѳс воддзадзык уезднѳй с'ездъясѳн примитѳм частичнѳй реквизицияяс.

Большевистскѳй делегатыяслысь предложениѳсѳ тайѳ вопрос кузя вѳлі пѳдтѳма эсеровскѳй большинствѳн.

Но медся ѳна июльскѳй уезднѳй с'езд большинствѳн контрреволюционностьыс тыдовтчѳс карса бедноталысь човскѳй выступление донъялѳм кузя да тайѳ делѳ кузяыс антиѳсоветскѳй действиеясысь уисполкомысь нѳль членѳс вѳтлѳм кузя вопросын.

Тайѳ вопрос кузяыс уезднѳй с'езд вылын эсеръяс да революциялы мукѳд сикас врагъяс кыпѳдѳсны настоящѳй свистопляска. Июнь тѳлысьын Ларионовѳн да места вывса коммунистъясѳн реорганизуйтѳм уезднѳй исполкомлысь став решениѳяссѳ вѳлі отменитѳма, Ларионовлысь да коммунистъяслысь човскѳй делѳ кузя вѳчѳм мероприятиѳяс объявитѳма вѳлі незаконнѳйѳн, вѳлі шубма исполкомѳ кооптируйтѳм депутатъясѳс бѳр сѳсь вѳтлыны да вежны найѳс исполкомысь вѳтлѳм контрреволюционнѳй деятельясѳн (Мартюшевѳн, Конановѳн, Чеусовѳн, Евтушевѳн), а човскѳй выступлениеын руководитѳлясѳс объявитѳма коктрреволюционеръясѳн да шубма найѳс

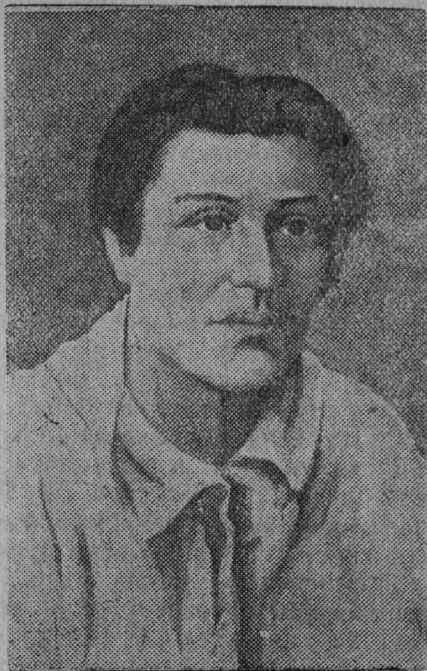
пыр жö арестуйтны. Большевистской депутатяс (21 член да 10 сочувствующой) заводятлысны протестуйтны татшöм решениясы паньд, но налöн резолюция эз прöйдит. Тайö вопрос кузяыс вöли примитöма татшöм контрреволюционной резолюция: „Протестовать против выступления мещан 13—14 июня с оружием в руках и удаления членов исполкома исполнительного комитета уездного совета, признать это выступление анархическим... Выразить протест перед Архангельским Совдепом против действия комиссара отряда красноармейцев Степана Ларионова, исполнившего волю неорганизованной толпы мещан, выступившей против общеуездного органа советской власти... Удаленных без ведома совета членов исполкома считать действительными членами, а членов-ставленников нижнеконецких граждан, удалить до выбора нового состава. Предводителей анархического выступления привлечь к законной ответственности“.

Кöть ставнысö тайöясöс эсерьяслы эз удайтчы суйны уездной исполком президиумö, но век жö найöяс пиыс мукöдыс, кызд Конанов, прöйдитисны исполком президиумö членьясöн. Наыс кындзи исполком президиум составö эсерьяс суйсны Королевсö, Рочевсö, Богдановсö, кодьяс сэтшöм яра нудисны съезд вылын агитация беднота комитет организуйтöмлы паньд.

Но öнi эсерьяслы победа сюрли эзв недыр кежлö,—уисполком президиумын найö пукалисны сöмын дас öти лун.

Кольны сэсся водзö уездной власти бердын эсерьясöс, кодьяс асланыс контрреволюционной уджöн вайöдисны став уездсö веськыда катастрофической положениеöдз да кодьяс отвергайтисны центральной советской правительстволыс быд декрет, распоряжение,—вöли преступлениеö. Эсерьясöс вöтлöм кузя öнi авангардной роль босьтис ас вылас выльöн организуйтöм устьсыольской большевистской организация.

Большевистской городской партийной комитет решение серти устьсыольской уездной исполком органи-

Ф. Чумбаров-Лучинский.

зуйтис июльн чрезвычайной следственной комиссией. Со кутшöм юбрми аддзам местной газетысь та йылысь: „Согласно постановления уездного исполкома в Устьсыольске образована временная чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Местная советская власть твердо решила пресекать всякие контрреволюционные выступления в самом корне“...

Июль 21-öд лунö 1918 воын устьсыольской партийной организация, чрезвычайной комиссия летучей отряд вылö мыджсьöмöн решитис вооруженной вынöн вöтлыны уездной исполком президиумысь эсерьясöс—революциялы врагьясöс. Сийö жö лунас партийной организация да чрезвычайной комиссия öтувья заседание вылын вöли шуöма уисполком президиумысь вöтлыны да арестуйтны нель эсерöс да тайöс пырысь пыр жö вöли пöртöма олоmö.

Эсерьясöс уездной исполкомысь вöтлöм бöрын партийной комитет

да реорганизуйтчѡм уисполком шыасисны июль 24-ѡд лунѡ уездса население дѡ татшѡм воззванебн:

„Тяжелый момент переживаем теперь мы. Со всех сторон Советская республика окружена врагами. Повсюду поднимают свои залитые кровью головы контрреволюционеры и хотят свергнуть ненавистное для них Правительство рабочих и крестьян...

Недавно был случай преступного действия со стороны нескольких членов партии левых эсеров в Москве. Они под видом спасения родины и темными слухами хотели загрязнить правительственную фракцию большевиков-коммунистов и тем взять перевес большинства голосов на 5-ом съезде Советов... Тогда левые эсеры нашли темный путь выступления и убили германского посла Мирбаха, чтобы вовлечь Россию в войну. Правительство вынуждено было исключить состав лево-эсеровской партии и передать их куда следует...

Подобное явление случилось и в Устьсысольске: члены совета, состоящие в партии левых эсеров, нашли нужным пойти в поход против диктатуры пролетариата. Члены Уисполкома Конанов, Королев и Рочев агитировали на 2-ом съезде депутатов против декрета о комитетах деревенской бедноты.

Но в Устьсысольске есть правительственная и ответственная пред центральными властями партия коммунистов-большевиков, которая зорко следит за всеми отношениями и действиями ответственных лиц и которая не может оставить без внимания, когда остальные партии идут во вред трудовому народу. Предугадывая последствия при нахождении вредных элементов у власти, Устьсысольская коммунистическая партия большевиков на общем собрании партии 21 сего июля внесла следующую резолюцию: „Партия полагает, что современный состав уездного исполкома должен быть безотлагательно реорганизован с отстранением тех из его членов, кои на деле показали себя единомышленниками лидеров партии левых эсеров, объявивших поход про-

тив диктатуры пролетариата и беднейших крестьян, с преданием их суду Революционного трибунала. Кроме того было экстренное заседание Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией по реорганизации Уездного исполкома. Постановили: удалить Конанова, Королева, Рочева и Богданова с преданием революционному суду первых 3-х за агитацию на 2-ом уездном съезде депутатов против декрета о комитетах деревенской бедноты, а последнего за допущение голосования, отвергающего декрет“.

Тадзи муніс Устьсысольскѡй уезднѡй Сѡветѡяс большевизируйтѡм. 1918-ѡд воин июль 21-ѡд лунсѡя событиясѡ бѡрын уезднѡй исполкомѡсѡ вѡлі вѡтлѡма эсеровскѡй элементѡяслѡсѡ колясѡсѡ да сѡйѡс тѡрвѡйѡ вѡлі большевизируйтѡма.

Реорганизуйтѡм исполкомлы да устьсысольскѡй партийнѡй организациѡны лѡи нѡдѡны зѡв ыджыд организациѡннѡй удж:

- 1) бырѡдны карысѡ да уездѡсѡ эсерѡсѡн кольѡм послѡдствѡиасѡ;
- 2) пѡртны олѡмѡ сѡветскѡй властѡлысѡ декретѡсѡ да постановленѡиасѡ, кодѡясѡс ѡтвергнитѡсны эсеровскѡй исполкомлѡн. воддза составѡясѡсѡ;
- 3) организуйтны вѡлѡстѡясѡн беднѡта комитетѡсѡ да сѡветѡсѡ и тадзи укрепитны сѡветскѡй властѡ местѡясѡ вылын;
- 4) организуйтны сѡктѡясѡн коммунистическѡй ячейкаясѡ, медѡм тайѡ ячейкаясѡ пыр укрепитны сѡветѡясѡн большевистскѡй влияниѡ да авангарднѡй роль коммунистѡяслѡсѡсѡ;
- 5) организуйтны местѡясѡ вылын чѡрыд тыш кулацкѡй да антисѡветскѡй элементѡяскѡд;
- 6) бѡсьтны чѡрыд учет улѡ уездѡсѡ став продовольствие да реквизируйтны лишнѡй нянь запасѡсѡ;
- 7) обложитны кулакѡясѡс да купечѡясѡс контрибуциѡн.

И збыльвылѡ, реорганизуйтчѡм исполкомлѡн уджысѡ вѡлі зѡв ыджыд. Уисполком да устьсысольскѡй коммунистическѡй организациѡны вѡлѡстѡясѡ асѡыныс представѡительсѡсѡ да агитаторѡясѡсѡ; 1918 воын августын—сентябрын нѡи бѡд волостнѡй центрын организуйтчѡисны волостнѡй партийнѡй ячейкаясѡ да

комбедьяс. Волостной центрьяс поздысьом эсерьяс, кулакьяс да мукд сикас врагьяс сіджѳ влі эрдѳѳма да вѳтлѳма.

Со кор сѳмын устьысольской уездса советьяс пѳрисны подлинной советьясѳ—пролетариат диктатура органьясѳ.

Со кор коми уджалысь йѳз первойысь аддзисны революциялысь результатьяс да конкретнѳ получайтисны Октябрьской революцияѳн сетѳм завоеваниеяс. Та бѳрын коми уджалысь йѳз топыда котыртчисны коммунистической партия, беднота комитетьяс гѳгѳр да ѳтувья вынѳн вѳчисны сиктса кулакьяс, купечьяс да мукд контрреволюционной вынѳяс кузя решительной удар.

Сентябрь 15-ѳд лунѳ влі реорганизуйтѳма устьысольской городской совет да весалѳма сѳсь неблагонадежной элементьясѳ.

Августын да сентябрын партийной организация да чрезвычайной комиссия отсѳгѳн уисполком разгромитис уездысь унджык контрреволюционной позьясѳ да сылысь тѳдчанаджык деятельясѳ. Сідз, августын Кочпонысь влі арестуйтѳма Временной правительствоса главалысь гѳтырсѳ—Олга Керенскаяѳс, кодѳ нуѳдѳс явѳ антисоветской агитация.

Сентябрын жѳ влі сетѳма приказ арестуйтны земской управаысь да эсеровской исполком составьясысь тѳдчанаджык контрреволюционной деятельясѳ: С. Латкинѳс, В. Конановѳс, В. Ф. Поповѳс да мукдьясѳс, но воддза кыкыслы удайтчис пышйыны.

Сентябрын жѳ влі арестуйтѳма январской да мартовской советын эсеровско-кадетской кликаысь главарьясѳс, кодьяс сійѳ кадѳ зѳлисны диктуйтны уездной исполкомын да ревизуйтисны декретьяс да распоряжениеяс центральной советской правительстволысь. Конкретнѳ влі арестуйтѳма Временной правительстволысь вѳвѳм уездной комиссар Н. Митюшевѳс, А. Веллингѳс, Л. Ленинѳс, А. Харьузовѳс, В. Городецкийѳс, Петроканскийѳс, В. Сидоровѳс да миссионер Клочковѳс да передайтѳма Котласской штабса революционно-полевой трибуналѳ, кѳнѳ

найѳс лыйлѳма 'сентябрь 24 лунѳ 1918 воын жѳ. Следствие вылын тыдовтчис, мый тайѳ йѳзыс, явѳ анти-советской агитация нуѳдѳмысь кындзя, подготавлилтѳмаѳсь уездын советской властылы паныд восстание.

Кор сиктьясын заводитчисны уджавны бедноталѳн комитетьяс да коммунистической ячейкаяс, сиктса кулакьяслысь водзасѳѳмсѳ влі жуѳѳѳма. Но кулакьяс эз кѳсйыны сдایتчыны. Кор найѳ воштисны ассыныс „покровительясѳс“ уездной исполкомысь да мукд уездной учреждениеясысь, сѳк найѳ кутисны организуйтны сиктьясын террористической группаяс, медым тайѳн парализуйтны беднота комитетьяслысь да волостной советьяслысь удж.

Сідз, Граддорын кулацкой террористьясѳн влі виѳма сентябрь 6-ѳд лунѳ беднота комитетса тѳдчана деятельѳс А. А. Сивковѳс. Сентябрь 9-ѳд лунѳ кулацкой террористьясѳн Керчемьяын влі виѳма беднота комитетса да партийной комитетса руководитель Гичевѳс, а сы бѳрын регыд, сѳнѳ жѳ виѳма красногвардейской продовольственной дружинаысь нѳшта кык мортѳс.

Сентябрь 11-ѳд лунѳ гарьяса кулакьяс разгромитисны Гарьяысь волостной совет да разгонитисны исполкомлысь состав. Гарьяса кулацкой выступление влі организуйтѳма исполкомысь вѳтлѳм В. Н. Конанов веськѳдлѳм улын. Гарьяса выступлениесѳ влі сійѳ лунас жѳ ликвидиуйтѳма, кык кулакѳс места вылас жѳ лыйлѳма, сѳмын В. Конановлы удайтчис пышйѳмѳн мездысьны революционной караысь.

Тайѳ фактьясыс петкѳдлѳны, кутшѳм чорыд классовой тыш пансис коми сиктьясын.

Но кулацкой террор эз повзѳѳд сиктса беднотѳс, кодѳ кулацкой белѳй террорлы паныд объявитис красной террор. Ми аддзам сійѳ кадся газетьясысь да перепискаысь татшѳм сикас юбрьяс: „Комитет партии коммунистов установил в селе Керчемье полный порядок; конфискация имущества кулаков дает успехи. За убийство руководителя местной коммунистической партии и комитета бедноты тов. Гичева расстреляно

3 человека. Двое скрылись, идут тщательные розыски".

1918 вои́н август—ноябрь то́лысьясын са́мой уездной центры́н, а сідзжэ во́лостьясын муно́ советской власть укрепі́том да уездной масштабы́н партийной организа́цияс оформі́том.

Муни́с зэв чоры́д ло́сьёдчём уездной съездья́с ну́ёдём кузя. Но тайо́ ка́дас лои́ны собы́тияе́с, ко́дья́с за́ставі́ті́сны том большевистской организа́цияс но́шта о́тчыд во́чны став уездной учрежде́ниясын ы́джы́д реоргані́зация да весавны найо́с советской власть дискреді́туі́утьсѣ́ йо́зысь да провока́торья́сысь. Тайо́ собы́тияе́с лои́ны Октя́брьской револю́циясы́сь первой годовщи́на праздну́йтан лу́ньясо́. Тайо́ собы́тияе́с ко́дсюрбя́с шу́оны зэв безобидной ни́мён: „Пья́ный разгу́л уездных руководи́телей“. Но собы́тияе́с со́держание се́рти́ыс тайо́ ни́мыс не́кы́дз оз ла́дмы.

Вот кы́дз пансі́с тайо́ дело́ыс: Октя́брьской револю́циясы́сь первой годовщи́на праздну́йтан луно́ манифеста́ция да пара́д бо́рын уездной учрежде́нияе́сса руководи́теля́с: исполко́мса председа́тель В. П. Оси́пов, чрезвычайной комисси́яса председа́тель М. М. Ляпу́нов, чрезвычайной комисси́яса председа́тельс ве́жысь В. И. Чуи́стов, уездной револю́ционной со́вета председа́тель да уездной военной комиссар И. Г. Каза́ков, Вологодской губисполко́мса член А. А. Кузнецов да му́ко́дья́с ору́жие чисті́том мо́гысь тре́буі́ті́сны аптека́ны́сь спирт, ю́исны да мо́ді́сны во́чавны дебо́шья́с публі́чной местая́сын. Масса́ пи́ын тайо́ кы́по́ді́с зэв ы́джы́д недово́льство. Ми́лиция э́ськё аресту́йтлі́с у́дджы́ксё на пи́ысь, но ю́сьём „нача́льство“ отме́няі́ті́с ми́лициялы́сь распо́ряжение и пы́р жо́ бо́р найо́с ле́дзлі́с водзо́ „гуля́йтны“. Сэ́к местной гарвизонса красноармее́цья́с аресту́йті́сны 7 уездной руководи́тельс да ку́ті́сны найо́с па́лявто́дзны́с. Арест уло́ скурло́м ю́сьём „руководі́теля́с“ заво́дитлі́сны ме́здыны а́ссыны́с компаньо́ны́я́ссо́, но тайо́ э́з удаі́тчы.

Ноя́брь 8-ё́д луно́ красноармее́ц-

я́с да местной коммуни́стья́с чу́ко́рті́сны собра́ние, ме́дым обсу́дитны ю́сьём уездной руководи́теля́смы́сь несоветской поступо́кья́ссо́. Но чрезвычайной комисси́яса председа́тельс замесі́тель В. И. Чуи́стов ми́лиция пы́р се́ті́с при́каз: „Немедленно разо́йтись сбо́ришу, в противном случае́ бу́дет для разгона́ приме́нена вооружённая си́ла по зако́нам оса́дного поло́жения“.

Збы́львыло́с жо́ Октя́брьской праздни́к кы́к лу́н ке́жло́ оса́дной поло́жение ка́рын во́лі отме́ні́то́ма.

Красноармее́цья́с да коммуни́стья́с разо́дчисны и корисны офици́альной разре́шение во́чны уездной револю́ционной со́ветлы́сь собра́ние, ко́дс во́лі разре́ші́то́ма ну́одны но́ябрь 9-ё́д луно́ кы́к часын.

Но кор па́лялі́сны ю́сьём „руководі́теля́с“ да ка́зялі́сны, ку́тшём омо́ль де́ло во́чисны, то понді́сны а́ссыны́с реабилиту́йтём мо́гысь а́ссыны́с мы́жсо́ ву́дждо́дны му́ко́д выло́. Асла́ныс служебной по́ложе́ніе́н по́льзуйтчо́мон, найо́ думайті́сны став де́ло́с берго́дны де́і́к мо́даро́, а та мо́гысь су́вті́сны веськы́да провока́ция туй выло́. Револю́цияло́н вра́гья́с я́во зі́лісны ы́шдо́дны ю́сьём „руководі́теля́ссо́“ су́вты́ тайо́ туй вы́лас, ворсі́сны найо́ самолю́бие вы́лын. Буржуазной на́ционалі́ст Д. Я. Попов, ко́ді́ сійо́ кад ке́жлас во́лі уисполко́мса члено́н на, но иско́вті́с нин ы́чотджы́к пост выло́ и сідз жо́ пья́нстуйті́с на́ко́д о́тла́ын, я́во ворсі́с про́штрафитчо́м руководи́теля́с самолю́бие вы́лын. Сі́йо́ не́кымы́н кы́ло́н се́ті́с на́лы зэ́в я́сной наме́к, мы́й ко́ло во́чны: „Мы́ в поте́ лица́, не жа́лея́ сил, тру́ди́лись над создани́ем в уезде советской вла́сти, а над на́ми те́перь ко́мандует солда́ты́е и неве́жественная́ чернь“...

Сэ́к про́штрафитчо́м руководи́теля́с ле́дзисны провока́ционной слух, мы́й ка́рын да́сьты́сьсо́ местной гарвизонса красноармее́цья́сдо́н бело́гвардейской выступле́ние да военной бунт. Но́ябрь 9-ё́д луно́ а́сы́внас во́лі чу́ко́рто́ма о́ту́вья́ экстре́мной засе́дание уисполко́м, уездвоенко́мат, чрезвычайной комисси́я, продо́м да му́ко́д уездной учрежде́ние-

ясса представительсы; ставыс тайо заседание вылас участуйтис 27 морт. Тани информацияс влі вчюма яво провокационнйо. Тайо 27 морт писыс кодсюрбас эз кбс-йны эскыны татшом информация збыльлун, но штрафитчом руководительяс зилисны дейсуйтны заседание участникяс вло повзбодломон да клеветаон и татшом методнас влі примито татшом решение: 1) Ввиду выпущенной неизвестными темными лицами провокации в дни празднеств годовщины Октябрьской революции в городе Устьысольске против уездного исполкома и некоторых членов комитета партии коммунистов, город и уезд объявляются на чрезвычайном военном положении. Никакие собрания и собрания в учреждениях и организациях не допускаются. Лицам, не подчиняющимся настоящему постановлению, будет применяться оружие. 2) Поставить контроль на почте и телеграфе из числа участвующих на данном собрании. 3) Лиц, заподозренных в инициативе данного инцидента, немедленно арестовать. 4) Разоружить местную Красную Армию и предложить военному комиссару распустить ее, а взамен набрать новый состав. 5) Заменить все посты в городе, состоящие из красноармейцев, коммунистами и милиционерами и 6) Установить дежурство в помещении чрезвычайкома. Тайо жо собрание вылас влі шуома, мый коло воспользуйтчыны красноармеецяслон да найо сторонникяслон 2 час кежло чукортм собраниенас да разоружитны найос отчукорын. Збыльыс 2 час кежло влі корома коммунистяс клуб карса коммунистясос да гарнизона красноармеецясос собрание вло. Но кор воис собранияеыслы урчитом кад, ни партийной комитетса председатель, ни комитетса членяс эз воны. Сэк оти воыс друг юртис, мый красноармеецясслыс казарма окружитома чрезвычайной комиссияс летучой отрядон да мунс сэн обыск. Собрание вывса участникяс спокойной пондисны, виччысны мый лоб водзо, но эз сетчыны провокация вло. Некымын минут мысти кото-

рон пырисны бомбасон да винтовкасон вооружитчом чрезвычайной комиссияс председатель Ляпунов, уездной военной комиссар Казаков, уездной исполкома председательс вежыс Канов да летучой отряда некымын морт. Пыригмозыс жо найо командуйтисны собрание вывса участникяслы: „Руки вверх!“ да объявитисны, мый тайо собранияеыс незаконной, коть собранияеыс влі разрешитома сйо жо Казаковон. Сэн жо 10 коммунистос да красноармеецясос влі арестуйтома да пуксбодмо тюрьма, мукд красноармеецясос разоружитома, а коммунистясслыс да красноармеецясслыс собрание разгонитома вооруженной вынон.

Татшом провокацияон штрафитчом руководительяс кбсийсны вештыны ассыныс мыж йоз вло, но тайо кыподис эзв ыджыд негодование массаяс пиын.

Тани коло тодчодны ншта сэтшом характерной момент, мый буретш праздникяс рытнас влі разоружитома местной гарнизонс и став коммунистясос, важ вооружениесо японской винтовкасон вежом помка улын. Но тайо провокация эз удайтчы. Он авангардной роль нудис нин уездной советын и став уездной учреждениеын коммунистической партия, код пользуйтчис масса водзын ыджыд авторитетон.

Ноябрь 10-од луно влі чукортма та кузя устьысольской партийной организациялыс экстренной совещание, обсудитома гогорбок тайо делос да пыр жо лэдзома арестыс 10 коммунистос да красноармеецос и назначитома кык следственной комиссия расследуйтны тайо делос. Ноябрь 12-од лунся общепартийной собрание вылын влі разоблачитома провокационнйо выступлениеын участникясос, 27 мортос на пиыс разоружитома, главной инициаторясос вломома партиясыс да снимитома наон занимайтан постяс вылыс. Тани жо влі реорганизуитома уисполкомлыс, военной комиссариатлыс, чрезвычайной комиссиялыс да карса партийной комитетлыс

состав да шуома медся матысса кадѣ нубдны коммунистическѣй партія-лысь, комбедъяслысь да сѣветъяслысь уезднѣй сѣздъяс, медым об-судитны да осудитны тайѣ антисѣвет-скѣй, антибольшевистскѣй посту-покъяссѣ.

Тадзи вѣлі весалѣма уезднѣй уч-реждениеясысь провокація туй вы-лѣ сувтѣм руководитель-узурпаторъ-яссѣ.

Коммунистическѣй партіялѣн аван-гарднѣй роль укрепитчис став уез-дын. Став уезд пасыта 1918 во пом-ын нин вѣлі 87 партійнѣй ячейка, 2500 член да сочувствующѣй. 1918 воын декабрь 10—12 лунъясѣ вѣлі нубдѣма Устьсысльскын РКП(б) уезднѣй организациалѣн уезднѣй сѣзд, кѣні участвуйтис 79 делегат.

Тайѣ сѣзд вылас вѣлі правильнѣй разрешитѣма став обще-хозяйствен-нѣй вопросъяс да сетѣма веськыд донъялѣм уездын общеполитическѣй положение йылысь. Но тайѣ жѣ сѣзд вылас тыдовтчис, кутшѣм улын, том партійнѣй организациа членъяслѣн идейно-политическѣй уровеньыс. Оти резолюциясы ми аддзам татшѣм наивнѣй сѣма реше-ние: „Широко открыть доступ в ря-ды коммунистической партии трудо-вому классу, которые еще до сего времени не успели, не вошли в на-ши ряды по своей темноте. Но мы,

коммунисты, открывая дорогу двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим и преже-де чем их допустить, мы должны их к этому подготовить, т. е. дать им духовную пищу в социальном духе, агитируя среди трудового класса и среди товарищей, идущих в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, давая им понять что идея коммуниз-ма—священная идея и что социаль-ный строй—это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус-Хрис-тос.“

Миянлы ѣнія кадѣ кажитчѣ теш-кодѣн сравнивайтны да ѣткодявны коммунизмлысь идеяс христианство реакционнѣй идеяскѣд, но тайѣ пер-вой кадся тырмытѣмторйыс збыль-вылас эз вермы кутшѣмакѣ да отра-зитчыны коммунистическѣй партия да сѣветъяс практическѣй уджын: Сѣветъясѣс да уезднѣй партійнѣй организациаѣс ѣнмѣдѣм могысь пы-рысь-пыр жѣ вѣлі мѣдѣдѣма центр-сѣв сѣтшѣм тырысь партійнѣй да сѣветскѣй работникъясѣс да агита-торъясѣс, кыдзи Аронштамѣс, Чум-баров-Лучинскийѣс, Самодедѣс, Ги-дасовѣс, В. Печоринѣс, Давыдовѣс да мукѣдъясѣс, кодъяс вѣчисны зѣв ыджыд удж сѣветъяс укрепитѣм ку-зя да коммунистъяслысь идейнѣй уровень кыпѣдѣм кузя.

(Водзѣ лоѣ на).

ПОГРАНИЧНИКЛӨН ПИСЬМӨ

Н. РОЧЕВ

Тувсов лун кодъ
Мича ныв мен гижис:
— Кор нин тэкӧд
Аддзысьламӧ ми?
Кор нин сэтшӧм
Долыдлуныс волас,
Ота-мӧдлысь
Кор нин кутлам ки?
Муса нывлы
Вочакыв ме видзи:
— Некор, менам
Нылӧй, тэ он вун.
Тэнсьыд чужӧм
Синводзысь моз аддза,
Тэнӧ тани
Казьтыла быд лун.
Сӧвет муӧс
Сталь пытшкын ми видзам,
Мед эз тувччы
Сэтчӧ враглӧн кок...
Регыд, регыд
Аддзысям ми тэкӧд—
Менӧ вежны
Воас томджык вок.

Трактор рультӧ
Кутны кӧ тэ кужан,
Ружье кутны
Велӧд ассьыд ки.
Рӧдина кӧ
Отсӧг вылӧ корас,
Отыв в тэкӧд
Бойӧ петам ми.
Быдмы, дзордзав,
Муса нылӧй менам,
Кыдзи борйын
Кисьмӧ зарни оз.
Тэнсьыд нимтӧ
Кута сьӧлӧм шӧрам,
Гуны сийӧс
Некод оз лысьт, оз!
Тайӧн тэныд
Помала ме гижӧм,
Эн жӧ вунӧд
Менӧ, муса ныв.
Быдмы сідзи,
Кыдзи тшӧктӧ олӧм,
Шудлун йылысь
Морӧстырнад сьыв!

В. МАЯКОВСКИЙ

1940-о́д вося апрель 14-о́д лунѡ тырѡ 10 во Владимир Владимирович Маяковский кулан лунсянь. Поэт-борец, „агитатор, горлан, главарь“ Маяковскийѡс Сталин ѣрт шуліс „миан советско́й эпохаса медбур, медталантливѡй поэтѡн.“ „Рабочѡй стройын поэтлы места вѡсна тыш-каси“, лыддьѡмѡн, мый миан чорыд классовѡй тышын поэтыс сѡйѡ, „кодѡ сетѡ ассыс перѡсѡ пролетариат во-оружайтан арсеналѡ, кодѡ оз зывѡкты некутшѡм съѡд уджыс, революция йылыс некутшѡм темаыс“, Маяков-ский гижис ѡнѡдз на медся вылын сулалан боевѡй публицистическо́й поэ-зиялыс образецъяс. Сылѡн вывтѡ ыджыд влияниыс став миан поэзия вылѡ, Западлѡн революционнѡй поэ-зия вылѡ. Сы поэзия вылын, кодѡ и миан лунъясѡ некутшѡма эз вош-ты ассыс вынсѡ, воспитывайтчѡны советско́й томѡѡс. Аслас стихъясѡн Маяковский сѣрнитѡ мианкѡд, „кы-дзи ловъяяскѡд ловъя морт“, сылѡн произведениеыс юракылѡны, кы-дзи талунъя лунѡ гижѡмторъяс. Маяковскийѡс аслас речьясын цити-руйтѡны миан депутатъяс, сылыс стихъясѡ публикуйтѡны газетъясын да журналъясын талунъя могъяскѡд йитѡдын.

Маяковский чужис 1893-о́д вося июль 19-о́д лунѡ вѡвлѡм Кутаисско́й губерняса Багдади вѡлѡсьтын, лес-ничѡй семьяын. Велѡдчис кутаис-ско́й, а сѣсся московско́й гимназия-сын. Батыс кулѡм бѡрын семьяыс колис дзик нинѡмтѡг.

1908-о́д воѡ Маяковский пырис РСДРП-ѡ, активнѡя участвуйтѡліс подпольнѡй уджын, уджавліс про-пагандистѡн. Куимыс сѡйѡс арес-туйтѡлісны, медбѡръя арест дырйи пукаліс воджын мыда Бутыркин

ѡтка камераын. Тѡдѡмыс, револю-ционнѡй удж нубдан тайѡ воясыс бѡрынджык влияйтѡсны Маяковский-лѡн и став творчествоыс вылѡ.

Маяковскийлѡн литературнѡй дея-тельностьыс заводитчис 1912-о́д во-сянь. Том Маяковский аслас медвод-дза стихъяснас жѡ выступитѡ кы-дзи поэт-бунтарь, кодѡ ненавидѡтѡ буржуазнѡй обществоѡс, сылыс став основаясѡ, сылыс мораль, религия, искусство (поэмаыс „Об-лако в штанах“, „Человек“).

Империалистическо́й война воя-сѡ Маяковский — поэтъяс лыдыс сѡмын ѡтнѡсѡн—мужественнѡя сув-тѡ войналы паныд, сылыс граби-тельско́й сущностьсѡ эрдѡдалѡг (поэ-ма „Война и мир“). Маяковский чук-савліс тышкасыны „госаяслѡн“ мир-кѡд, но тышлыс конкретнѡй туй-ясѡ поэт сѣки оз на вѡлі аддзы. Вот мый вѡсна сылѡн первой кадся стихъясын войналы паныд, капита-листическо́й стройлы паныд протест-ын сѣтшѡм тшѡкыда кылѡ кыдзи трагическо́й ѡткалунлѡн протест.

Октябрьско́й социалистическо́й революция, кодѡс Маяковский встре-титѡс безоговорочнѡя да восторжен-нѡя, кѡрENNѡя вежис сылыс лите-ратурнѡй судьбасѡ. Маяковский во-дѡ сувтѡісны выль могъяс, кодъяс перестроитѡсны да озырмѡдісны сы-лыс став поэтическо́й системасѡ.

Октябрь медводдза лунъяссяныс жѡ Маяковский сувтѡ революцион-нѡй пролетариат радъясѡ, сѡйѡ йѡ-зѡдѡ боевѡй лозунг:

Товарищи,
дайте новое искусство—
такое,
чтобы выволочь республику из
грязи.

Маяковский выступайтò кыдзи поэт-агитатор, кыдзи поэт-сатирик, памфлетист, гижò революционнòй маршъяс („Левòй марш“), гимнъяс, Октябрлòн первòй годовщина кезлò сетò „миян эпохаòс героическòй, эпическòй да сатирическòй петкòд-лòм“—пъеса „Мистерия-буфф“, гижò Советскòй Россияòн капиталистическòй миркòд победоноснòй единоборство нуòдòм йылысь ыджыд лиро-эпическòй поэма („150.000.000“). Форма серти зэв уна сикаса став тайò произведениеясын Маяковский славитò Социалистическòй революциялысь победа, советскòй народлысь героизм, эрдòдалò, ёся сералò врагòс, чуксалò тышò да бдительностьò. Гражданскòй война воясò Маяковский òттшòтш нуòдò зэв ыджыд агитационно-пропагандистскòй удж: гижò агитстихъяс плакатъяслы—„Окна сатиры Роста“. Маяковскийòн вòлì вòчòма (гижòма стихотворениеяс да рисуйтòма) 5 сюрс мыда плакат. Эз вòв, кажитчò, сийò воясса ни òти боевòй тема, кодòс эськò мед эз обслужит Маяковский аслас агитстихòн: танì интервентъяскòд да тшыгункòд тыш, тифознòй тойкòд да труддезертирствокòд тыш, субботникъяс вòсна агитация и с. в.

Со òти плакат дорò Маяковский-лòн подписьыс:

На польский фронт!
Под винтовку!
Мигом!
Если быть не хотите
под панским игом.

Ростаын уджалòм Маяковскийлы вòлì òттшòтш и политическòй школаòн и творческòй школаòн. Тайò уджыс, поэт кывъяс серти, „веса-влìс миявлысь кывнымòс поэтическòй шелухаысь сэтшòм темаяс вылын, кодъяс оз лэдзны уна кывйòн тыртòм“, и отсавлìс Маяковскийлы, сы-лòн ыджыд мастерствоысь став алыссыкас лунсò кольòмòн, сувтны массаяслы матысса да гòгòрвоана поэзия туй вылò.

1922-òд вòсянь Маяковский заводитò систематическòй уджавны газетаясын. 1922-òд вòся март 5-òд лунò „Известиясын“ петò Маяковский-

лòн стихотворение „Прозаседавшие-ся“. Мòд луннас металлистьяс-лòн Всероссийскòй съезд вывса коммунистическòй фракция заседание вылын аслас речас В. И. Ленин тайò стихотворениеыс йылысь висъталìс: „...важòн ме эг испытывайтлы татшòм удовольствиесò политической да административнòй видзòдлас боксянь. Аслас стихотворениеын сийò зэв ёна сералò заседаниеясòс да издавайтчò коммунистьяс вылын, мый найò век заседайтòны и переседаетòны. Ог тòд, кыдзи поэзия боксянь, а политика боксянь ручайтча, мый тайò дзик веськыд“.

Маяковский заводитò печатайтсы-ны пòшти став центрально́й газетаясын и торйòн нин топыда вòлì йитчòма „Комсомольскòй правдакòд“.

Аслас газетнòй уджлы Маяковский сетлìс ыджыд тòдчанлун да аслас газетнòй стихъяс водзò сувтòдлìс медсягырысь художественнòй требованияяс. На пòвсысь ми аддзам сылòн публицистическòй лирикалысь медбур образецъяс: стихотворениеяс „Нетте ёртлы“, „Ленин ёрткòд сёрни“, „Советскòй паспорт“, „Фининспекторкòд поэзия йылысь сёрни“, „Медбур стих“, „Сергей Есенинлы“ да мукòд.

Маяковский творчествоын ыджыд места босьтòны сылòн заграничнòй стихъяс, кодъясòс сийò гижлìс Европаò да Америкаò ветлìгòн. Тайò стихъясын зарубежнòй олòмсò петкòдлòма советскòй морт синмòн видзòдòм боксянь. Отарсянь—вылì европейскòй техника дорò уважение, мòдарсянь—капиталистическòй государствоясса социальнòй варварство дорò ыджыд ненависть да ас, советскòй страна вòсна гордость.

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но кепчонку
не сдерну с виска.
У советских
собственная гордость:
На буржуев
смотрим свысока.

А òти аслас заграничнòй стихотворениеын 1925-òд воò Маяковский гижлìс:

Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.

Маяковскийлѡн сѡветскѡй кадся медся гырысь да медся — тѡдчана произведениеяс лыдѡ пырѡны поэмаяс „Владимир Ильич Ленин“ да „Хорошо!“ 1924-ѡд воѡ, вѡждь кулѡм бѡрын гижѡм Ленин йылысь поэма лѡи медбурѡи сы пиысь, мый гижѡма художественнѡй литература-ын Ленин йылысь. Маяковский опи-сывайтѡ вѡвлытѡм ыджыд морт шѡг, кодѡс сѡйѡ ачыс переживайтѡ аслас странакод да став мирса уджалысь йѡз-код Ленин кулѡм йылысь юѡр кыв-лѡм бѡрын. Поэт юалѡ. „Мый сѡйѡ вѡчис? Кодѡ сѡйѡ и кытысь—тайѡ медся человекнѡй мортис?“ И зѡв ыджыд вынѡн вѡсьтѡ Ленинлысь—мировѡй пролетариат вѡждьлысь прѡстѡй да величавѡй образѡ. „Ле-нин“ тема вылын уджалѡн Мая-ковский ѡнмис кыдзи поэт-больше-вик, кыдзи ыджыд социально-поли-тической размаха поэт.

„Хорошо“ поэмаѡс сѡма Октябр-скѡй Социалистической революция-лы 10 во тырѡм кузя. Тайѡ—миян рѡдиналѡн, дас вося революционнѡй тыш нуѡдан героической истѡриялѡн тема, сѡветскѡй патриотизмлѡн тема.

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Поэма „Хорошо!“, кыдзи и поэма „Владимир Ильич Ленин“, кыдзи и

Сѡветскѡй Союз йылысь, сылѡн уджъяс да войтыръяс йылысь Мая-ковскийлѡн мукѡд стихъясыс,—сѡйѡ выль ногса социалистической лири-ка, кѡнѡ личнѡйыс органической йитчѡма общественнѡйкод, кѡнѡ быд социальнѡй тема эм сѡйѡ жѡ кадѡ аслас поэтыслѡн личнѡй, кровнѡй тема. Маяковский зѡлис сетны со-циализм эпохалы достѡйнѡй поэзия. Тайѡ вѡлѡ став сылѡн творческой, новаторскѡй корсысьѡмъяслѡн цель-ыс, тайѡ определяйтѡс первой кадас гижлѡм стихъяслѡн формальнѡй усложненностьсян бѡръя вѡясса произведениеяслѡн яснѡй простѡтаѡ да аслыссикаслунѡ сылысь туйсѡ.

Сѡветскѡй народлы врагъяс, буха-ринецъяс, троцкистъяс, литература-ын быд ногыс зѡльѡсны обезвредит-ны Маяковскийѡс, замалчивайтѡсны, игнорируйтѡсны сылысь творчество-сѡ, вайѡдѡсны поэтѡс апрель 14-ѡд лунся катастрофаѡ—самоубийствоѡ. Аслас медбѡръя произведениеян—пятѡлетка йылысь поэмаѡ вступле-ниеын („Во весь голос“)—ассыс мунѡм туйсѡ подытоживайтѡг, Мая-ковский тыр правоѡн вермис шуны ас йывсыс:

Явившись
в Це Ка Ка
идуших,
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг,
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

МЕД ОЛАС МУДРӨЙ СТАЛИН!

Н. САМАРИН

Дзирдалана шонді югөр улын
Уна рөмөн дзирдало сад.
Кыпид нюмтор ворсо бандзиб йылын,
Сьолөм вылын вывті меным рад.

Йөзлөн олөм нимкодълунөн тырө,
Лунысь-лунө сійө содтө өд.
Дона вождьным выль олөмө пыртис,
Сылы равнөй нимсө ме ог төд.

Дона Сталин миян йөзлысь косьтис
Курыд синва, уна нэмся шог,
Кыпид, гажа, шуда олөм восьтис.
Аттө шуны сылы—миян мог.

Мудрөй вождьлысь знамя лэптө вылө.
Шуда муын уна миллөн морт.
Страна пасьта чолөмалөм кылө:
— Олас медым дона Сталин ёрт!

Ульяново, Сельхоз. техникум.

ПОВТӨМ РАЗВЕДЧИК

СЕРГЕЙ МОРОЗОВ

(Печера бассейнын гражданскöй войнаыс эпизод)

Сюрс öкмыссё дасöкмысöд вося февраль тöлыс помын краснöй отрядса командир получигіс приказ: Брыкалансксянь отступитны Ижмаö, но, дерт, не Няша пыр, көні сулалісны белöйяс, а вöртіыс веськыда—Пыща кушник пыр, көні лун и вой помся дежуритісны—видзисны туйсö кызь гöгöр краснöй боец.

Сиктöс отряд колис нйöти зыктöг да шумтöг. Кыдзкаrsa партизаньяс семьяясыскöд прöщайтчисны керкаясаныс, ывлаö ни гöтырьяс, ни мамьяс, ни челядь эз петны. Ёна шумитны эз позь сы вöсна, мый Печера ю кывтыдын Кыдзкаrsaнь кызь километр сайын—Няшаын—сулаліс белöйяслөн отряд дай штабыс. Налөн Кыдзкаrsa кулакьяс пöвсын вöліны шпионьяс, кодьяс гусьöн сетавлісны наöн кыйöм сведениеяссö белöйяслөн штаблы. И збылысь, дяк Сирсин да сиктса кулакьяс ручьяс моз кысьясисны, исасисны краснöйяслөн штаб гöгöр. И кутшöма көть эз зіль краснöйяслөн отрядыс гусьöн бöрыньчыны Кыдзкаrsaыс, кымынкö час бöрын та йылысь вöлі нин юöртöма Няшаö.

Белöй бандитьяс регыд примитісны ассыныс мераяс. Найö мöдöдісны Кыдзкаrö — „большевистскöй заразалөн“ центрö, кызд найö нимтісны Кыдзкаröс—дасвит морта отряд. Чож көрьяс, кодьясöс немжалиттöг бандитьяс тувкöдісны ёсь көрт харейясöв, зумыд йиа Печера ю кузя öдйö вайисны найöс Кыдзкаröдз.

Сиктса озыр йöз, кулакьяс, дяк Сирсин, поп Николай да мукöдьяс вичко звöнөн встретитісны белöйяс-

öс. Кор встречалөн церемонияыс помасис, белöй отрядса начальник Яран Як гöститны пырис дяк ордö, кодлөн пиыс, Гришаыс, вöлі доброволецöн белöй отрядас жö. Тайö жö дасвит морта отрядас вöліны нöшта Кыдзкаrsa кык доброволецьяс—Алöй да Лупа, кодьяс мукöд ёртьяссö разöдісны кодöс ас орданыс, а кодöс мукöд озырьяс ордö. Сиктын ведыр кeжлö пуксьыліс чöв. Сöмын сійö керкаясын, көні пукалісны, сёисны-юисны белöй салдатьяс, кыліс мургöм да коддзöмьяслөн гөрöктöмөн серöктöмьяс. Йöзыс ывлаті поліс ветлыны.

Белöй отрядлөн начальник Яран Як дяк ордын пукаліс пызансайын шöрас. Сійö вöлі öш кодь тшöг да вира. Кор юас стöкан куим еджыд вина, чужöмыс сылөн сёки чуть вирсьыс оз пот, а синьясыс гудыр шомйöлö пöрöны. Татшöм кадьяснас Яран Яклөн нырвомыс ёна мунö гöгрöс плеша гöрд öш нырвом вылö: сэтшöм жö гöгрöс, сэтшöм жö паськыд ныра да плеша. Сэсся кор коддзас Як, сэк сійö зөв охоч вöтлысьны нывьяс бöрся. Но нывьяс сысь век ошкысь моз повлісны, эз радейтны.

„Кутшöм нывлы нö окота босьтас окасьны öш нырвома Яран Якыдкöд. Сыкöд окасьöмсыд восöдас“—шуавлісны нывьяс Яран Як йылысь.

Сирсин дяк прамöя нин гажмис. Сійö сюськайтöмөн чай юиг чöж норасис Яран Яклы краснöйяс вылö:

— Сю-сю, Яков Федорович, сю-сю, ми, сю-сю, эг и лысьтöй краснöйяс дырийыд, сю-сю, ывлаті ветлöдлыны.

— Ми налы пуктам пом, отецъ дьякон,—буркнитѣс Яран Якъ.

— Сю-сю, Яковъ Федоровичъ, Кыдзкарыдъ ѡдъ большевикъяслоу поз. Сю-сю, ме тѣдъ инда ставъ красноѣ семья-ястѣ,—водзѣ ѣкмыляліс ассыс сѣй кывсѣ коддзѣмъ дьяк.

— Да, да. Ми сейчасъ мѡдѡдчамъ найѡясъ ордѣ „гѡститны“,—а сѣсся олыштѣмъ бѡрынъ содтѣс:—Тѣ вотъ мый, отецъ дьякон. Ветлы Пѡтапъ Костя ордѣ да коръ сѣѡдъ понятѣявны, а локтѣгъ мозыдъ видзѡдлы сиктъ помынъ сулалысъ часѡвѣѡдъ, гапкѣ стервоыдъ узѣѡ да.

Часъ мысти кымынъ Сирсинъ дьякъ пырисъ асъ керкаасъ тѣрмасыѡмѡнъ да повзѣѡмъ чужѡма. Синъясъсъ вѡліны кольча кодыѡсь.

— Яковъ Федоровичъ, сю-сю. Яковъ Федоровичъ, сю-сю,—тѣрмасисъ дьяк.

— Мый сѣтшѡмыс?—скѡбра шуисъ Яранъ Якъ.

— Сю-сю, Яковъ Федоровичъ,—бара заводитѣс дьяк.

— „Сю-сю“ да „сю-сю“, но мый—висьтавъ тѡлкѡн!—дзѣкѡдзъ скѡрмисъ коддзѣмъ Яранъ Якъ.

— Сю-сю, Яковъ Федоровичъ, сиктѣ пырисъ ѡти красноѣ да кыкѡдъ нинъ ранытѣс.

Яранъ Якъ ыджыда ѣрчыштѣс да тѣрмасыѡмѡнъ, пасыкыдъ шагъясѡнъ петѣс ывлаѡ.

Дьяклѡнъ повзѣѡмысъ эзъ вѡвъ прѡста. Красноѣяслоу отрядъ, кодѣ колянъ луноу Кыдзкарысъ мунѣс, ѡнѣ сулалѣс Печера юлѡнъ шуйга берекасъ да эзъ тыдавъ сиктѣсянъ сукъ бадькустѣясъ сайысъ. Штабъ тшѡктѡмъ серти отрядъ бѡр локтѣс Кыдзкардѣ, но разведка вѡчтѡгъ эзъ кѡсѣынъ пырны сиктѣ. Кыдзкаръ улѣ отрядъ воисъ мудзѡмѡнъ, ѡдъ ѡти суткиѡнъ бѡра-водза лѡи вѡчѡма сѣ километръ саясъ.

Красноѣ отрядлоу командиръ мудзѡмсѣ сѣдзѡ ѣна чувствуйтѣс, но боецъясъ водзынъ сѣѡдъ эзъ петкѡдлы, а, мѡдарѣ, кыдзи сяммисъ, кыпѡдѣс на-строениенысѣ боецъяслысъ, сѣрнитѣс да шмѡвитѣс накѡдъ. Коръ сувтѣсны бадькустѣясъ сайѡ, командиръ мѡвпыштѣс, кодѡсъ мѡдѡдны сиктѣ разведкаѡ. Видзѡдлысъ боецъясъ вылѣ да синмасъ уси томыникъ, но ѣна сюсь да зѡбой

Тыринъ. Тыринъ вѡлі кыскѣ Устьвымъ дорысъ. Красноѣясъ дорѣ воисъ доброволеѡнъ. Сылы вѡлі сѡмынъ на даскѡкѣтѣямысъ арѡсъ да отрядынъ вѡлі, пѡжалуй, медся томѡнъ. Быдъ тшѡктѡмъ, кодѡсъ сетлѣс сылы командиръ, вѡчлѣс ѡдѣѡ да ѡкуратнѡя. И ѡнѣ, коръ отрядынъ ставысъ мудзѡмны, разведка вылѣ Тыринысъ бурджыкъ мортѡсъ командиръ эзъ аддзы.

— Тыринъ, ме дѣнѡ!—горѡдѣс сѣѡдъ Тыринлы.

— Ме, товарищъ командир!—тѣрыба висьталѣс зѡбой красноармеецъ.

— Тыринъ, тѣдъ ковмасъ кайлыны сиктѣ. Часъ мысти кѣ онъ локъ, ме мѡдѡдча ставъ отрядѡнъ..

Недыръ мысти Тыринъ рѡдтѣс нинъ сиктланъ вѡсни кока, но топыдъ я карко выласъ.

Векъ ѡтарѣ сукмысъ рытѣя пемыдысъ регыдъ дзѣкѡдзъ дзебисъ сѣѡдъ отрядъ синъ улысъ..

Куим-нѣль тѡлысъ чѡжѡнъ Кыдзкардѣсъ Тыринъ тѡдмалѣс ассысъ чужанъ сиктсѣ мозъ жѡ. Сы вѡсна сѣѡдъ решитѣс сиктѣ пырны не кывтыдла помѣсянъысъ, кытѣ ю вывѣсянъ кайнысѣ ѣна крутѡйджыкъ, а катыдъ помѣсянъысъ. Карко тѣрмасыѡмѡнъ катѡдѣс сѣѡдъ первойя керкаясъ дорѡдзъ, а сѣсся сувтѣс. Тыринъ видзѡдѣс водзѣ сиктъ шѡрланъѡ, кѡнѣ бронвидзисъ пасыкыдъ пу вѣчкѡ. Видзѡдѣс, кывзѣс, но нинѡмъ эзъ аддзы ни нинѡмъ эзъ кывъ. Сѣкъ Тыринъ решитѣс галѡпѡнъ прѡйдитны сиктъ кузя, и минута бѡрынъ кымынъ вѡлі нинъ сиктъ шѡбрасъ. Другъ сылѡнъ пельясысъ кылісны зычитѡмъ шы, а сѣсся шковъ кылѣ лы-йисны. Тыринъ казяліс, мый сиктъ помасъ кѡнкѣ сулалѡма часѡвѣѡ, кодѣ либѣ казяліс сѣѡдъ да нарошнѣ лѣдзисъ пырны сиктѣ, либѣ бѡрыннасъ нинъ аддзисъ.

Веськыдвылынъ дзѡляникъ важъ керка дорынъ, кѡнѣ кылісны гѡлѡсъ шыясъ, вуджрасисны куим-нѣль мортъ. Тыринъ пырысъ-пыръ гѡгѡрвоисъ, мый сѣнѣ вѡчсѣѡ. Сѣѡдъ керкаысъ вѡлі Пибилѡнъ. Пиби доброволеѡнъ мунѣс красноѣяс-кѡдъ. Думайтны кадъ эзъ вѡвъ. Ѳти здукѡнъ Тыринъ чеччыштѣс чѡжъ каркоѡнъ кавава вѡмѡнъ да матыстѣс Пиби керка дорѣ. Керка пытшкѡсса ставъ кламсѣ кыкъ белѣѡ бандитъ буретшъ вѡлі петкѡдѡмаѡсь ывлаѡ да лѡсьѡдчѡны нуны.

Сѣнъ жѡ туплясѣѡмѡнъ бѡрдѣсны бе-

лѡйясѡн усьтѡдзис нѡйтѡм Пиби гѡтыр да дзѡляник нывкайс.

Тырин галопѡн воис бандитѡяс вылѡ да ѡтисѡ вѡвнас уськѡдѡс кок-йывсѡс, а мѡдыслы дженѡдык ка-валерийскѡй винтовка прикладнас зутшкис юр кузѡяс. Белѡй бандитѡяс некыдз эз сѡммыны виччысѡны на вылѡ татшѡм уськѡдчѡмсѡ да шѡйѡ-вошисны. Тырин вѡв вылысь лѡччыв-тѡг нѡшта кык-куимысь прикладнас тувкнитѡс вѡлѡн уськѡдѡм белѡй сал-датлы да бѡр ѡдѡй пѡтѡс тракт вылѡ. Друг шуйгаладорсянѡ бара кылѡс лѡйѡм, но пуляис сѡмын ивѡстѡс юр вывтѡйс. Сѡсся кылѡсны котѡртысѡя-слѡя кокшыяс. Мый вѡчны? Тырин гѡгѡрвоис, мый сиктысь пѡтны некы-дзи оз позѡ. Сѡк сѡйѡ дыр думайттѡг скачѡн мѡдѡдчис краснѡйяс штаблѡн вѡвлѡм керкаланѡ, кодѡ сулалѡс тракт шуйга вылын.

Уна жыра кык судтаа керкаын некод эз вѡв кѡзѡйкасѡс кындзи. Муртса удитѡс кайны вылѡ судтаас, кыдзи тай кутѡсны ывла вылын ѡтарѡ век ѡн-джыка и ѡнджыка сукмыны лѡйсѡм шыяс. Ѳшинѡясѡс стеклѡяс зильгы-сисны.

Мый вѡчны ѡти мортлы, кор сы вылѡ вѡжны дасвѡтѡн? Татшѡм юа-сѡм Тыринлы юрѡ эз воы, сѡйѡ корсис тѡлк да места наступайтысь-яскѡд водзасѡм могысь. Сылѡн сѡрсыс вѡлѡ сѡмын дасвѡт патрон да кавалерийскѡй винтовка, а кык граната, кодѡясѡс вѡлѡ сѡйѡма седлѡ сумкаясѡ, тѡрмасѡмлаис бѡсьтнысѡ вунѡдѡс.

Тырин надѡзникѡн пѡтѡс посводѡ да кутѡс видзѡдны, кутшѡмджык мес-таясын ыпнитлѡны лѡйсѡммысь бѡяс, а сѡсся сѡйѡ местаясас кутѡс лѡйлыны вѡча. Шѡчыника лѡйсѡмѡн Тырин посводзын олѡс часджын кымын да кодыр сылѡн колѡс сѡмын кык пат-рон, пырис бѡр битѡм керкаѡ.

Кык патрон... Лѡйныс нин жалѡ. Кысѡмѡн матыстчис катыдѡ видзѡ-дысь ѡти ѡшинѡ дорѡ да гусѡн ви-дзѡдлѡс ывла вылѡ. Орчча керкалѡн кильчѡ вывсѡнѡ ѡти белѡй салдат сѡмын лѡйѡ да лѡйѡ. Тырин метит-чис да розѡ ѡшинѡ пыр гыпнитѡс сылы. Кылѡс ѡйѡстѡм да кильчѡ пос-вылѡ винтовка усьѡм шы...

Коли ѡти патрон, кодѡс сѡдзѡ

недыр мысти лѡдзис да кольччис вин-товка приклад вылѡ надеѡн, сѡсся вуджис первѡйа комнатаѡ да пуксис джѡджас; ортсысѡн лѡйсѡмѡмѡс кѡты и шѡчмисны, но эз лавѡтны. Недыр мысти Тырин кылѡс увдор судтаѡ кодлыськѡ пырѡм. Сѡйѡ кылѡс канѡ моз нѡѡжѡ матыстчѡс кокшыяс. Тырин дыр думайттѡг друг уськѡдчис вѡча да горѡдѡс:

— Руки вверх.

Тыринлѡн горѡдѡммыс сѡтшѡма пов-зѡдѡс локтысѡс, мый дажѡ сѡйѡ винтовкасѡ шыбытѡс джѡджас да пышѡйс ывлаѡ. Тырин катѡдѡс белѡй-лысь мырдѡм винтовкасѡ, кѡнѡ вѡлѡ нѡлѡ лѡйтѡм патрон. Лѡйсѡмѡн сѡйѡ кѡсийс сетны тѡдны Печѡра ю сайын сулалѡс краснѡй отрядлы сѡн пѡкѡ сюрѡм йылысь, но... отрядлѡн вѡммыс эз тѡдчы.

Тырин медбѡрын, рѡшитчис ас му-дерлун вылас: лѡччис улѡ судтаас да пач костсыс кысѡс весѡбѡрѡм кѡ-зѡйкаѡс, корис сѡйѡс ас бѡрсянѡс вылѡ судтаас. Сѡсся вѡсьтѡс пач пѡ-дан да пачас сѡис кыкнан винтовка-сѡ.

— Ме пыра пачас, а тѡ тупкы пѡ-даннас. Белѡйяс кутасны юасѡны, кытѡ ме лѡи,—висѡтав, мый сарай пыр пышѡи. Часджын мысти лок-тасны краснѡйяс и ме сѡк бѡр пѡта,—велѡдѡс тѡралѡс кѡзѡйкаѡс Тырин. Сѡсся нѡшта содтѡс:

— Тѡ кѡ менѡ индан налы—ловѡн он коль! Гѡгѡрвоин?

Тырин став пасѡкѡмнас пырис пач пытшкѡ: юрнас пытшланѡ, а кокѡ-яснас ортсыланѡ. Пач пытшкѡсыс вѡлѡ бура ыджыд, но Тыринлы ѡна на лѡи канѡ моз сюркнѡсѡны. Сѡйѡ сувтѡс кѡяс йылас да пѡдзѡспѡмѡяс вы-лас, а мышкыс мыджис пач свѡдѡяс. Пѡим сѡра да пѡжалѡм нянѡ дука сынѡд эз вѡв дѡик чѡскыд.

Кор пач пытшкын Тырин вѡрѡм-ысь дугдѡс, кѡзѡйка тупкис сѡйѡс кыз пачпѡданѡн да тѡрмасѡмѡн лѡччис улѡ. Сылѡн лов-вирыс личалѡс. Но мый вѡчны водзѡсѡ, ачыс оз тѡд. Друг вѡссис керка ѡдзѡс да сѡйѡ кылѡс кѡим-нѡлѡ мортлысь горѡдѡм: —Руки вверх!

— Тайѡ ме, кѡзѡйка!—кѡяссѡ на-дѡзник кыпѡдѡг шуалѡс сѡйѡ.

— А, тѡ!—шыасис посводзѡнѡ

белѣй солдат—Алѣй, кодѣ ѳнтай садѣ
бырѣм вуйѣдз повзѣомысла винтов-
касѣ шыбытѣс, а ѳнѣ думсыс кѣсийс
бѣр аддзыны.

— Кѣн краснѣй свѣлочыс?—мед-
воддза юалѣм вѣлѣ Яран Яклѣн, кодѣ
век на полѣс пырны керка пытшкѣ
да сѣрнитѣс кысянѣкѣ пемыдсяныыс.

Тайѣ керкаыслѣн кѣзйякаыс аддзы-
лѣс и тѣдѣс белѣйясѣс. Мужикыс сы-
лѣн вѣлѣ ѳти белѣй бандаян. Крас-
нѣйяслѣн штабыс на керкаын олѣс
тѣлыс куйм гѣгѣр да кѣтъ найѣ
лѣксѣ сылы нинѣм эз вѣчны, но век-
жѣ лѣгыс петѣс на вылѣ.

— Со мый, господин начальник,
ме висѣтала кѣнѣ сійѣ, но сѣмын не-
кодлы эн висѣталѣй та йылыс,—
пѣшти вашѣѣдчан гѣлѣсѣн заводитѣс
ассыыс сѣрнисѣ керка кѣзйяка.

— Но-но, дженъыдджыка тѣ сыв!—
збѣйджыка нин кутѣс сѣрнитны Яран
Як да вѣскѣвтѣс порѣг вѣмѣныс кер-
ка пытшкѣ. Сійѣ казалис, мый опас-
ность ѳнѣ абу нин.

Кѣзйяка индѣс Тыринлыс дзебсян-
инсѣ, но белѣйяс сразу кайны Тырин
дѣнѣ эз лысѣтны. Найѣ полѣсны, мый
краснѣй разведчик куш кѣнѣ эз
кольччы. Белѣйяс чайтѣсны, мый Ты-
ринлѣн сѣбрсыс эм граната, кодѣс
сійѣ вермас шыбытны медбѣрѣя мину-
таас. Белѣйяс ѳдѣй петѣсны ывлаѣ да
пач весѣтса ѳшинь улас вѣчисны
дѣдѣясыс, кѣкаясыс да телегаясыс
джуджыд кѣстер, а сѣсся жугѣдѣсны
ѳшинь четвѣртѣяссѣ да помся ку-
тѣсны лыйлыны пач вѣмѣ. Кѣрт пач
пѣдан сѣмын брынякыліс свѣнеч пу-
ляясѣн лѣтшкѣдѣчымыс. Медбѣрын
кѣрт пѣдан кылѣ уси джѣджас. Сѣк
Яран Як горѣдѣс:

— Пырны керкаас да кыскыны
мерзавѣцѣс кѣкѣдыс!—сылы салдатѣ-
ясыс яндзим лѣи: ѳд ѳти мѣртѣс
дасвѣтѣн оз вермыны бѣсѣтны, а лый-

сыѣны минут вѣтымын нин. Вѣрѣн
ѳйдѣм Тыринѣс лѣкыс кыскысны
пачыс. Сійѣ телѣын—уджыкыс
кѣкѣясас да киясас—вѣлѣ дасвѣт гѣ-
гѣр посни да гырыс рана. Яран Як
заводитѣс допрашивайтны Тыринѣс,
но нинѣм сысыс эз артмы,—Тырин
вуйѣдз вѣмсѣ эз вѣсѣтыв.

Вѣрѣн ѳйдѣм Тыринѣс ѳти белѣе
кежсыс Алѣй да Лупа шыбытѣсны
кильчѣ дорын сулалыс пу дѣдѣдѣ,
а сѣсся кыскысны сиктсайса вѣрѣ.

— Но, Алѣй, клопнит!—шуис Лупа
вѣр дѣрѣ вѣѣм мысти да пут-
кыльтѣс Тыринѣс лым толаѣ.

— Кулѣмсѣ ѳд мѣдпѣв он ви, лым-
нас тыртыштам дай энѣвтам,—вѣча-
вѣдзис Алѣй.

Пѣрыс Корнелийлѣн внучкаыс та-
рыт эз пѣтѣмы мунны вѣйпукны кер-
каѣ да водз-водз бѣр лѣктѣс гортас.
Кильчѣ вылас кайигѣн сійѣ повзѣѣ-
мысла мыйвынсыс горѣдѣс, а сѣсся
лѣччигмозыс тарк-тарк вѣчис ѳти
ѳшиньѣ.

Кѣр Корнелий дѣдыс петѣс калѣч
вѣсѣтныны, сѣдз жѣ неуна повзѣыш-
тѣс. Кильчѣ вылын ѳти белѣе кежыс
тѣмбыльвѣдзис тѣдѣтѣм мѣрт. Тайѣ
вѣлѣ Тырин. Корнелий дѣд ѳсѣг вы-
лѣ чуксалис внучкасѣ да найѣ крас-
нѣй разведчикѣс пыртѣсны керкаас.

Сійѣ жѣ войнас Кыдзкарѣ пырис
краснѣйяслѣн ѳтрядыс. Корнелий
дѣд аскинас чѣчѣмѣн тшѣтш лѣч-
чис краснѣйяслѣн штабѣ да висѣта-
лѣс Тырин йылыс:

Краснѣй разведчик Тырин вѣлѣма
винѣв. Ижмаса больничаян тѣлыс
куйлѣм бѣрын бара справѣтчис да
гражданскѣй война помѣдз пыр мед-
воддза радѣясын тышкасис белѣй
бандаясѣс бырѣдѣм кузя.

ВЫЛКА ЙЫЛЫСЬ ВИСЬТ

П. АРТЕЕВ.

Төвся войыс пемыд тундра вылын,
Пуяс костод шутылалё войтёв.
Лымъя эрдті, чомсянь абу ылын,
Ветлё Вылка кёряс пөвстті чёв.

Вылка видзё ас колхозлысь кёряс,
Пемыд войын син оз куньлы дыр.
Сійё тёдё: шаманъяс да вёряс
Лёктор вёчны кыйёдчёны пыр.

...Друг, со, стадо сюв-сявмуні водзын,
Быттьё шызис море вылын гы.
Кёряс костысь мортёс Вылка аддзё,
Кылё сылысь гусьён ветлём шы.

Төдтём бёрся Вылка ёдйё мёдіс;
Сылён събрас—пищаль, патронташ.
Төдтём мортёс паныдаліг вөтіс,
Лөвйён босьтны сійёс лөи дась.

Гуся мортыс дадьяс пөвсё пырис,—
Быттьё вошис төвгорулё тшын.
Кёні сійё кёряс шёрын вёрис,
Сэні вирён кётасьёма лым.

Кодлён тані тайё подлөй уджыс?
Ылё сійё оз на пышйы, дерт"...
Сэки кодкё додьяс бөкті вуджис,
Вылка мышкё сатшкис лэчюд пурт.

Вылка усис виём кёркөд орчён,
Кыкнан синсьыс сявкнитіс гөрд би.
Көть и бытшкис доймёминын кочёг,
Пищаль эз лэдз сылён вына ки.

—Энлы, сволочь! Он мун меысь ылё!—
Шуис Вылка чукөртиг став вын.
Лөптіс пищаль пышйысь шаман ылё.
Кыліс лыйём, петіс еджыд тшын.

Усис шаман кусыньтчёмён муё,
Эз нин сэсся сувтны вермы бөр.
Татшём водзёс тундра миян дасьтё
Ставлы, коді миян ылё скөр.

ВОЙВЫВСА ИЗШОМ

В. ЕРМАКОВ

(Вөркута йылысь дженъдик очерк)

I

ВӨРКУТАВОМ

Гожся асывводз. Лунтöв сöмын на разöдiс войн лэдзöм ру, кодi шебрасöн моз вевттылiс став мусö сё километръяс пасьта. Ывла вылын, кöнкö неылын кустъяс бердын, зэв варова чипсöны посни лэбачъяс. Чукöрöн, чукöрöн лэбзöны вылитi уткаяс.

Пароход „Сталинец“ кайö визув Уса ю паныд. Нель сё кöкъямысдас километр коли окружнöй центр Устьусасянь.

Шензымöн! Тöрыт на Уса кузя катiгöн берег бердыс öтарсянь и мöдарсяньыс вöлi тупкысьöмагырысь бадь да льöм кустъясöн, а кустъясьыс вылынджык тыдалiс козъя парма. А талун? Талун асыв со муртсамуртса муысь петöмны дзöляндзи бадь кустторъяс, пöшти öткодöсь керч турун чукöркöд.

Тайö воис тундра аслас гöлиндзи кустъясöн, ыжку гöна турунöн, керчöн да кöр нитшкöн.

„Сталинец“ пароходса капитан мыйкö частö мöдiс кайлыны палуба былö, кöть эськöн и эз вöв вахта вылын.

— А-а! Тыдовтчö сангородок!—гораа шуис капитан.

Палуба вылын йöз шызис, мöдiсны видзöдны пароход нырлань. И збыльсь, тыдовтчисны мыльк вылын 10—15 виль керка.

Сангородоксянь Вөркутавом посёлокöдз кык километр мында на. Сангородок весьтö воигöн тыдовтчис

зэв гажа посёлок. Унджык керкаыс сэнi кык судта. Кык километр кузя берег пöдöн, öтарас и мöдарас, сулалöны пароходъяс, баржаяс дагырысь пыжъяс. Мукöд баржасö муртса на вайсны татчö да öнi ректöны; мукöдыс изшом тырайсь, виччысьöны пароходъясöс, медым кывтны Адзвавомö, а сэсянь Устьусаö да Наръян-Марö. Со, газоход босьтöма причал бердысь баржа да кöсйö нуны стоянкаö, но визув ва нуö сийöс кос дi былö. Газоход тювзö, корö отсöг. Дыр нюжмасьтöг петö сылы отсöг былö „Обва“ пароход.

Вөркутавом тулысын да гожöмын—зэв гажа да мича места. Йöзыс жö, кыз шуласны, кодзувкот мында. Изшом гöра вылын, причалъяс бердын, транспортер „ДК 14“ бердын, туй вылын, баржаяс да пароходъяс бердын—быдлаын йöз, быдöн вöчö ассыс удж, унджыкыс лунтыр изшом бердын уджалöны,—сьöд чужöмабсь да кнабсь.

Но медся ёна гажсö, олöмыслысь пубмсö сетö сийö, мый лун и вой узкоколейка вылын тювзöны-горзöны, ветлöны öтарö-мöдарö паровозъяс, нуöны да вайöны изшом да мукöд груз тыра вагонъяс. Оз овлы суткиын сэтшöм минута, медым погрузочнöй площадка вылын эз вöвны паровоз да вагонъяс. Тайö ёна радуйтö, долöдö сьöлöмтö. Öд Вөркутавом аслас паровозъясöн, вагонъясöн, пароходъясöн да баржаясöн,

электростанцияһын, клубһын, столовойһын, мастерскойһын—дзик портовһын кар коль, сһын дзояджык йһрыша. И збыльысь: Вһркутавом—речной порт.

Аслыснога заполярной тундровой природа, аслыссямаһсь кһдзыд горной юас. Вһркутавомсянь Урал гһра бердһдз 60 километр. Мича лунһ Урал гһра тыдалһ быттьһ лһз кымһр; бура тһдчһны сылһн став очертаниеһ-яс, мукһддырһи весиг торъя нырдъяс, пельһсьяс, вһр дһяс. Вһркутавомын шуһны: сһнһ кһ восьса, оз зэр, то аски ва кутас ямны. Сһнһ кһ зэрһ—аски ва кутас туны. А колһ шуны, мый ва туһм да ойһдһмид

танһ зэв тһдчантор. Ва кһ лоһ ыджыдджык, тһ изшом петас Уса пытһкысь бура, оз кһ ло ыджыд ва, косьмас кһ юыс—зэлһдас быдлатһ, изшом петкһдан план сьһкыд лһ тырһны.

Гожһм шһрын заполярһеса уна местаһн пукалһ лым. Өтик лунджын петалас шондһ, а вежалун зһрас либһ петас слһт, лым сора зэр. Кһдзыд асыввой тһв кокйыльысь пһрһдһ, йһтһ ставнас пытһкһсьяһыд турдһдһ, кынтһ. Ёна номъя. Колһ новлыһны номдһра. Но Вһркутаса большевикъяс пһкһритһны природасһ, уджалһны ударнһя, олһны культурнһя, уджалһны и велһдчһны, вһчһны тундраһн индустриальной войывв крепость.

II

КӨРТТУЙ КУЗЯ

Кодлы абу окота мунны кһрттуй кузя, торйһн нин сэтшһм кһрттуйд, кодһ медся войвылын, заполярһеын, тундраһн, кытһ тһлын дай гожһмын позьһ ветлыһны сһмын кһръясһн, кһнһ важһн рыщитһсны тшыг зверьяс—кһинъяс да ошъяс, кһнһ сһ километръясһи абу некутшһм олысь, кһнһ важысянь ыджыдалһны кһдзыд войтһв да пурга.

— Тһ ветланһнд рудникһ, кһнһ перйһны изшом? Ме ногысь колһ ветлыһны, тһдмасыһны рудниккһд да мияһн кһрттуйһн,—шуис меным рудникса начальник, кодкһд ме тһдмасы сһнһ.

— Кыдзи нһ! Дерт лһ видзһдлыһны, тһдмасыһны,—радпырысь сһгласитчи ме.

— Тһ гашкһ чайтанһнд, мый ми тһяһс пуксьһдам тһварнһй вагонһ? Огһ. Сетасы вагон первого класса,—ньюмъялигтырһи висьталһс начальник.

Магистральнһй туй вылын сулалһ ёһн паровоз. Тывзһ, тшһктһ восьтыһны туй, медем мунны рудниклань. Сйһ составын сулалһ зэв мича пассажирской вагон. Пытһкһсас лһсьбдһма пукалан да куйланһнъяс, небыд матрацъяс да прһстыһняяс, пызан вылын лым кодь еджыд скатерть да

цветъяс. Вагонын ломтысьһ плита пач. Шоныд, гажа, сэтшһм жһ лһсьыд, кыдзи тай паськыд туй вылын мягкһй вагонын. Зэв уютнһ.

— Но, кыдзи тһяһлы кажитчһ?—юалис рудникса начальник.

— Зэв бур!—вочавидзи ме.

Поезд мһдһдчис рудниклань. Рельсыяс кузя кутһсны гһгыльтчыһны вагонъяслһн чугуннһй кһлесаяс. Поезд сьһкыда лолалһ, „чушйһдлһ“, дженьыдика кор сюрһ горһдлһ. Туй кузя, унджыкыс пһнара, мукһдыс клещияся, ключьяся сулалһны стрелочникъяс, контролёръяс, ремонт кузя мастеръяс.

Кһрттуй, дзик збыльысья кһрттуй! Мыйнһ тайһ, кытһ ми мунам? Не кыдзи оз веритчысьы, мый тэ муһан кһрттуй вывтһ тундрадһ. Кажитчһ, мый муһан Украинадһ, степь вывтһ, кһнһ помтһм турун, посни кустъяс, а сһсья, море вылын моз, пом ни дор оз тыдав. Кһнһ-сюрһ мылькторъяс да черна тыяс югъялһны тувсов югыд войын.

Оз сюр кыв ни гижны, ни висьтавыһны, мый чувствуйтһ морт, кор сйһ муһ тундра кузя поездын, самйһн-стоящй кһрттуйдһ, небыд вагонын.

— Да, сьһкыд уджавны заполярнй кһрттуй вылын,—висьталһ кһрттуй—

вывса начальник, коді тшбтш мунб вагонын рудникдз. — Миян кбрттуй нюжалбма сизимдас километр кузя. Но со видзбдлб эатчб, кыті бні миянбс чорыдакодь збркнитіс да доровтіс. Мый вбсна чайтад? Татбні туйыс вблі зэв бур. А бні бтик линияыс рельсыясылбн весыт мындабн вылынджык мбд линиясыс. Мыйла тайб? А со мыйла. Тані бд грунтыс век кын, некор оз сывы весиг гождьмын. Тайб грунтыс мукбддырйи ачыс кыптб, кызні ловзян нянь, а мукбддырйи ббр лэччб. Весыкыда шуны, тані некутшбм грунт збыльвылас абу, эм сбмын торфлбн слбй, тундра вылыс. Вот тайб „грунтыс“ миян медсыбкыдтор, сйб миянбс весыкыда виб,— висыталб водзб начальник.— Ми уна вын нин пуктім сйбс изучитбм вылб,

но уна на колб вбчны. Тблын бара жб мешайтбны бн кбдзыдыяс, кодъяс овлбны 50 градусбдз. Сэссия тбвнас быд лун пурга, мукбдлатіыс нббалб лымсб нбль-вит метр судтабдз, ни зыртны, ни весавны оз поэь.

— Коркб бд верманныд жб?—юа-лі ме.

— Кыдзи жб! Ми долженбс вермыны. И лоб вермбма регыдыя кадбн,—помалб начальник брт.

Регыд тайб воясб кбдзыд Вбрку-табс лоб йитбма Москва каркбд, великбй Сбветскбй Союзлбн столицакбд, кбні олб сйб мортис, коді ку-жис шонтыны сыблбмъяссб тундраса геройяслыс, коді быдлун тбждысыб войвылын изшом перйбм да кбрттуй вбчбм йылыс—Сталин брт!

III

РУДНИКЫН

Поезд вуджис Вбркута ю вомбн пуысб вбчбм поскбд. Тайб поссб быд во ойdlб ыджыд вабн. Тулысын поссб разьлбны да дзонь тблысбдз орлб рудникбдз поездбн ветлбм. Медым изшом петкбдбм сэк кежлб не орбдны, тулысын изшомсб водзджык вудждблбны пос мбдарас, торъя складб.

Но вот поезд воис Вбркутаса изшом перъян центрб. Рудничнбй посблок—ыджыд кар кодь нин. Поселок пукалб Вбркута ю бтар-мбдарын, джуджыд гбракбдь мылык вылын, гбгбр тыдалб гашкб сб километр сайб. Весыкыд берегыс вылын—важ поселок, кытчб медводз овмбдчылісны. Тані—рудниклбн управление, доза ыджыд да бур клуб, столббй, радио, почта да телефон.

Но медвойдбр син улб уси изшомлбн ыджыд чукбр, кызні гбра, кодбс тбчбма медся важся „шахта Центральная“ бердб. Тайб склад пырыс кбрттуй кузя изшом мунб Вбркута-вомб, а сэсянь войвывса фабрика-ясб да заводъясб.

Бна гажбдб рудниклыс посблоксб ыджыд электростанция, коді сетб энергиясб став посблоклы, важ да вылысб стрбйтсян шахтаяслы, мас-

терскбйяслы, культурнбй учрежде-ниеяслы.

Рудникин асыныс вбчбны кокс, сідзжб шлакобетон, мыйысб вбчбма нин нбль-вит керка. Рудникин не сбмын перйбны изшом, но и вбчбны асланыс рудаыс чугуннбй литье да уна мукбдтор. Вбркута юлбн берегыс озыр нбшта и мукбдпблбс ископае-мбйясбн, кодъясбс, дерт, кутасны регыдыя кадбн эксплуатируйтны.

Вбркута ю мбдарбокын, шуйгавылас, стрбйтбны выль посблок, коді лоб важ посблоклы воча. Тайб, дерт, абу торъя посблок. Сйб сбмын торъялб ю вабн. Ю вомбн лоас водзбвылб вбчбма пос.

Тані жб нубны ыджыд удж шахта № 1 стрбйтбм кузя. Йбзлбн шахтерскбй комбинезонъяс, шахтерскбй лампаяс и с. в. дум вылб усыкбдбны центральной изшом бассейнъяс. Не-кыззи оз веритсы, мый тайб ставыс абу Донбассын, а Вбркутаын, ылі кбдзыд тундраын, кытчб важбн ге-жбда воылыліс мортлбн кокыс.

Тані, заполяръеын, ылі войвывса кбдзыд из гбра бердын, сідзжб, кы-дзи и став Сбветскбй Союз пасыта, мунб визув да гажа культурнбй олбм. Уличаяс кузя, торйбн нин

тувсов югыд войсё ывлывтыр, туй кузя, клумбаяс костод гуляйтёны уна сё морт, пёрысь и том, ставныс бура вочёмны, серамбанабсь. Лун и вой томйёзлөн кылё сьылём, ворсём, челядьлөн дзользьём. Клубын быдлун петкөдлөны кино либё постановка. Эм сәні библиотека, көні доза уна бур книгаяс. Радио быдлун вайё советскöй му вылысь выль юбрьяс.

Рудвиклөн посёлок медся регыдъя кадөн лоб выль советскöй гажа карбөн, индустриальнöй войвывлөн центрөн. Да, тайё лоб шахтерьяслөн карбөн!

Көдзыд, пурга, кын му, зэр, шляча,

тундралөн аслыспөлөс суровöй природа, политическöй да культурнöй центрьяссянь сюрс километрьяслөн торьялём—ставыс тайё ёна сьөктөдө заполярникъяслысь уджсё. Но найё зумыда, повтөг мунёны водзё.

„Ми төдам, мый миян уджын уна сьөкыдторьяс. Но ми төдам и сийё, мый миян удж вёсна, миян олём вёсна төждысьё быдлун ачыс Сталин ёрт. Сийё миянөс кыпөдө уджавны, гажаа овны“,—висьталёны заполярнöй геройяс. Сёмын большевикъяслөн тырмё вын освоитны көдзыд войвывлөс да вöчны сийёс цветущöй крайөн!

ДРУЖНОЙ КОЛЛЕКТИВ

И. ВАВИЛИН

(Челядьлы лыддьом выло)

Югыз би моз ломзё ылын—
Петё кыа асыввылын,
Войся пемыд югдё, сёдзё,
Сиктын воссьё карта ёдзёс.
Карта вывсьянь ыркыд муё
Тувтчис ёш да аслыс шуё:
„Татчё менё бёр он суй,
Сюрис меным мунан туй!“
Сэсса ёш мёддчис вёрё,
Синнас эз видзёдлы бёрё,
Аслас туй вылысь эз кеж.
Сылы паныдасис меж:
— Кытчё мёдин, ёшкёй-вокёй,
Гашкё сиктсьянь ылё, бокё?
Корсьны туруна веж луд,
Корсьны аслыд ыджыд шуд?
— Эг ме вермы овны мирёи,
Кёзяинёй юё вирёс,
Сэтшём сійё горш да пеж—
Лои пышйыны мем, меж.
Муна пальёдны ме шогёс,
Вежны ассым оланногёс.
Петі корсьны мый мем колё —
Колё меным вольной олом.
— Сідз кё, ёшкёй, кора тэнё,
Аскёдыд вай тшётш босьт менё.
Ёткён ичёт выной менам —
Тэкёд кыкён быдтор венам.
— Тэнад кутшём, межой, шогыз,
Мунны мекёд кутшём могоыз,
Мыйла эновтін тэ горт?
Висьтав ёшлы, дона ёрт!
— Нужда менё вётліс гортысь,
Аслам бур кёзяин ордысь.
Сійё голь. Да быть ёд йормы,
Вердны менё оз нин вермы.
— Сідз кё,—ёш сэн шуд,—лок,
Мунам мекёд, муса вок!
Кыкён мёддчисны водзё,
Налы паныд лэбзё дзодзёг:

— Олад-вылад! Го-го-го!
 Муртса меным смерть эз во.
 Кбзяинкбд воим венб —
 Джабдны нин кутліс менб,
 Кыдзкб ори нырагез...
 И ме аслым аддзи мез.
 — Миянкодъыс сідз кб уна?
 Лок, нб, тшбтш миянкбд мунам! —
 Мбббдчисны куим ёрт,
 Кыдзи куим дружнбй морт.
 Тыдовтчис кор сиктлбн пом,
 Паныд петук локтіс том:
 — Ка-ра-ул! Ку-ка-ре-ку!
 Муртса эз пбртчыны ку.
 Кбзяинбй лэптб рельб,
 Вирбдз нетшкис менсьым пельбс.
 Кбсйис вбчны меысь яй,
 Ме и пышйыны давай!
 — Тэбб, петук, дерт, ог кольбй,
 Мунам бтвылысь ми нёльбн!

* * *

Мудзбм мысти, кузь туй ббрын,
 Нёль друг узьмбдчисны вбрын.
 Полбм абу, быббн збой.
 Вбрын лбня коли; вой.
 Петіс вбртас йылб шонді,
 Долюд гажбн ворсны пондіс.
 Воссис му вылб выль лун,
 Вбтліс войся ойбыр, ун.
 Тайб шуда лунсб вбрын,
 Мича пожбма яг шбрын,
 Кыдзи медводдза лун волысь
 Встретитісны нёль выль олысь.
 Обш сэн вбчис уджлысь план,
 Шуис:—Стрббтам ми тан
 Овмбс ыджыдбс да бурбс,
 Шензьбдам ми ручбс, урбс!
 Стрббитчыны быббн рад,
 Уджын бдйб коли кад.
 Лёк олбмлы воис пом—
 Вбрын зымвидзб выль дом.

* * *

Обти рудов арся лунб,
 Вбрбд ош кытчбкб мунб.
 Нитш вольбса джодждбд тшапа
 Кысьбб сылбн ыджыд лапа.
 Вомас пивьяс ёнбсь, кузьбсь,
 Лёктор вылб синъяс сюсьбсь.
 Пасыс вылас кыз да сьбд.
 Сыысь скбрыс—абу мбд.
 Ош сэк пельнас мыйкб кыліс,
 Морт моз сувтіс кокъяс йылас,
 Пу вуж улысь сылбн син

Аддзис ручлысь оланін.
 Сэні, гортас ручѡ-чойѡ
 Пызан сайын юѡ-сэйѡ.
 Ош сэк гыжсѡ сатшкѡ муѡ,
 Нимкодъ пырысь аслыс шуѡ:
 „Сюрин! Онѡ другѡс тэнѡ,
 Ыджыд сывйѡн босьта пленѡ!“
 Ручѡ-чойѡ аддзис ошкѡс,
 Петѡс паныд. Ачыс пошкѡ:
 — Шойччы, шойччы, дѡна ёртѡй,
 Кывзы менсьым, муса мортѡй,
 Тэд кѡ сэйны-юны колѡ—
 Танѡ, матын, ѡш со олѡ,
 Сэні петук, меж да дзодзѡг.
 Пѡтая. Оз ков мунны водзѡ.
 Прѡста оз ков песны кок—
 Со кѡн яйыс, муса вок!
 — Ручѡ-чойѡ, збыль кѡ тадз,
 Сэтѡ котѡртла ме скач.
 Сѡмын, пѡръялан кѡ менѡ,
 Ловйѡн нылышта ме тэнѡ.

* * *

Вѡрѡд локтѡгѡн эз вош,
 Гажа керка аддзис ош,
 Збоя пырны кутѡс сэтѡ:
 Ош горѡдѡс:—Энѡ сетѡ!
 Ошкѡс огѡ лэдзѡ бурѡн.—
 И сэк зургис паськыд сюрѡн,
 Жмитѡс ошкѡс посводз стенѡ:
 — Мый тэд колѡ? Вѡа тэнѡ!
 Керка пытшкысь петѡс меж,
 Горзѡ: Пасьтѡ пѡрчча, кеж!—
 Кучкѡ ошкѡс аслас сюрѡн:
 — Мун, шуѡны, татысь, бурѡн!
 — Мый нѡ тайѡ, збыль-ѡ вѡт?
 Горзѡ дзодзѡг.—Юрсѡ сѡт!
 Сійѡ сѡдзжѡ ассьыс пайсѡ
 Нетшкис пиньнас ошлысь яйсѡ.
 И со кылѡ медся бѡрын
 Горзѡ петук керка шѡрын:
 — Кодѡ сэні? Кодѡ сэні?
 Нокѡ, вайлѡ сійѡс меным!
 Юрын сабля, бѡжын коса!
 Нылышта да шойсѡ воса!
 Кокын пыридз лэчыл, ёсь!
 Кодѡ сэні панѡ кось?—
 Ош сэк пескыльтѡ став вынѡн,
 Муртса ловсѡ сетѡг мынѡ.
 Садъ воштѡмѡн пышйѡ вѡрѡд,
 Оз лысьт видзѡдлыны бѡрѡ.
 Шензѡ петук, шензѡ дзодзѡг:
 — Мый нѡ лѡи мѡян водзѡ?
 Вот и дѡвѡ, мый нѡ тайѡ,
 Вермѡм коли мѡян сайѡ?
 Ош сэк кѡдзыд ырѡш юис,

Аслас ёртъясыслы шуис:
 — Нинѡм тани абу дивѡ,
 Олам дружной коллективѡн.
 Коллективын миян вын,
 Тѡдѡй, ѡткѡн — выныд джын!

* * *

Ручѡ-чѡйѡ динѡ бѡр
 Локтис ошкыд мудз да скѡр:
 — Вѡрысь ѡш меным эз сюр,
 Муртса ловйѡн воис юр.
 Вои гажа керка дорѡ,
 Быттьѡ менѡ ачыс корѡ,
 Збоя кути пырны сѣтчѡ.
 Кодкѡ шуис: „Энѡ сетчѡ!“
 Аддза, паныд петѡ лядьѡ —
 Джынвуйѡ ме вошті садьѡс.
 Сійѡ меным сатшкис вила,
 Коді вѡлі лѣчыд йыла.
 И сы бѡрын жмитис менѡ
 Вила пуѡн посводз стенѡ.
 Регыд кузнеч сѣтысь петис,
 Кѡрт мѡлѡтѡн задйѡ сетис,
 Пондис кучкавны шкув-шков!
 Кѡртыд мѡрччытѡг оз ов.
 Кузнечьясыд вѡлѡм кыкѡн;
 Локтис мѡд зѣв ыджыд зыкѡн,
 Нѡйтис менѡ ассъыс пай,
 Дон клешиѡн нетшкис яй.
 Главнѡй страстьсѡ кылі бѡрын,
 Кодкѡ горзис керка шѡрын:
 „Коді сѣні? Коді сѣні?
 Ноко вайлѡ сійѡс меным!
 Юрын сабля, бѡжын коса,
 Нылышта да шойсѡ воса!
 Кокын пыридз лѣчыд, ёсь!
 Коді сѣні панѡ кось?“
 Ме сѣк пескыльтчи став вынѡн,
 Муртса ловйѡн наысь мыні
 И со вои ме тѣ динѡ.
 Сидз кѡ пѡръясьѡмыд инѡ?
 Пѡръясьѡмысь он мын бурѡн,
 Сыысь мынтысян тѣ юрѡн.

* * *

ѡш да петук, меж да дзодзѡг
 Бура олісны пыр водзѡ.
 Найѡ аддзисны мый колѡ —
 Вѡльной муысь вѡльной олѡм.

СТРАНА ПАСЬТА

И. ВАВИЛИН

(Челядьлы лыддьом вылӧ)

Ичӧт Миша
Воклы вӧчис
Ворсӧм вылӧ
Самолёт.
Сійӧс, кылӧ,
Ошкӧ пӧчис:
— Ай-да, Миша,
Том пилот!
Мотор збоя
Жургӧ-сьылӧ,
Миша кӧсйӧ
Сетны старт.
Аслас воклы
Сійӧ шуӧ:
— Лэбзы ӧдйӧ,
Тӧвсӧ гарт!
Петӧ кымӧр
Вӧртас йылӧ,
Пӧльтӧ небыд
Тувсов тӧв.
Самолётыс
Качис вылӧ,
Лэбзис. Бытьӧ
Эз и вӧв.
Луныс коли,
Лэччис шонді,
Рӧмдӧ ывла.
Пемдӧ вӧр,
Самолётыс
Локны пондіс
Миша ордӧ,
Гортӧ, бӧр.
Кымӧр пытшкӧ
Эз тай дзугсы
Самолётлӧн
Паськыд борд.
Миша дінӧ
Вокыс пуксис,
Шуис:— Чолӧм,
Дона ёрт!

Ме со ӧні
Ветлі ставнас
Сӧвет мулыс
Паськыд эрд.
Мый ме
Аддзылі
Да кывлі—
Тӧдны тэныд
Колӧ, дерт!
Эм детина,
Эм и нывка,
Микодь челядь
Уна эм!
Найӧ пиыс
Быдӧн тӧлка,
Быдӧн
Кажитчисны
Мем.
Волі ме
Граница дорӧ,
Кӧні сынӧд
Шоныд, пым,
Кӧні гыа
Чӧрнӧй море,
Сылӧн берег—
Гажа Крым.
Тэчӧ сәні
Дзоля школьник
Сталин йылыс
Сыланкыв.
Ичӧт нывка
Вӧчӧ серпас:
„Трактор вылын
Гӧрӧ ныв“.
Кавказ дорын
Гӧра вылын
Юргӧ песня
Том да збой.
Ворсӧ сәні
Ли́ра вылын

Аслас воклы
Ичѳт чой.
Лѳбзя ылѳ,
Лѳбзя водзѳ,
Воссьѳ паськыд
Казахстан.
Петѳ паныд,
Быттьѳ дзодзѳг,
Челядьяслѳн
Стратоплан.
Бордъяс улын—
Озыр Сибирь.
Степъяс вылын—
Паськыд луд.
Быдлаысь тай
Аддзан майбыр
Челядьяслысь
Ыджыд шуд.
Муна водзѳ.
Кѳдзыд войвыв
Кѳсйѳ сотны
Менсьым бан.

Аддза вывсянь,
Кыдзи челядь
Збоя
Ислалѳны
Тан.
Тані сідз жѳ
Челядь олѳ,
Налы муса
Еджыд лым.
Ыджыд, югыд
Налѳн школа,
Том бур вирыс
Налѳн пым.
Кытчѳ кѳть
Ми огѳ волѳ.
Кытчѳ кѳть
Оз тувччы кок,
Сѳвѳ велѳдчѳ
Да олѳ
Миян рѳднѳй,
Шуда вок.

КЫЗЬАРӨСА

С. МАРШАК

(Челядьлы лыддьом вылӧ)

Отка морт муvис
Москва кар кузя,
Юр вылас пуктӧм
Еджыд картуза.
Тулысын муvис
Трамвай ӧдзӧс дорын,
Гӧгыльяс шум улас
Сылыштӧм сорӧн...
Друг воча ӧшиньлань
Веськӧдӧс сив.
Аддзис сӧсь кодӧскӧ,
Би кӧн да тшын.
Уна йӧз жӧдзис,
Панель вӧлӧ кытӧн.
Керка вевтув дорӧ
Дзоргисны быдӧн:
Сэтӧнӧ, ӧшинь пыр
Ыпйис кысь би,
Дзоляник кага
Мыччалӧс ки.
Кадыс мед
Нӧти здук эз вош весь,
Шыбытчис зонмыс
Трамвай пытшкысь сӧсь.
Автомобильлы
Туй вуджигтыр
И ва лӧччан трубабд

Кыпӧдчис пыр.
Кайис нин нӧль,
Сӧсся вит судта сӧйӧ...
Со и медбӧръяыс
Ыпъялӧ биӧн.
Сынӧдас ӧшалӧ
Тшын рыжӧй—гӧрд.
Ӧшиньсӧсьс би петӧ,
Он кодӧс йӧрт.
Колӧ на зонмыслы
Кайыштны вылӧ.
Выныштчис.
Ӧшиняс ки судзис сӧлӧн.
Сувтӧс карнизӧ,
Тшын лолалӧгтыр,
Кагаӧс босьтӧс
И бӧр лӧччис пыр.
Нывсӧ мам
Кватитӧс
Бӧрдӧмӧн-сорӧн.
Чеччыштӧс зонмыс
Трамвай ӧдзӧс дорӧ.
Чужӧмсӧсьс чышъянӧн
Чышкыштӧс пӧсь,
Горӧдӧс песня
И саймовтчис сӧсь.

Перевод Иван Васильӧн.

В ВОЛОСТНОМ ОМУТЕ

(Из воспоминаний волостного писаря)

Повесть

М. Н. ЛЕБЕДЕВ

Таво январь тѣлысь тырис 40 во М. Н. Лебедевѣн литературнѣй дѣятельносты. Тайѣ датасѣ пасѣмѣн, ми заводитѣм печатайтны М. Н. Лебедев дореволюционнѣй творчествомъ ѳткымъ произведение. Воддза номерын вѣлѣ печатайтѣма висѣт „Фома Лѣкмортѣ“. Тайѣ номерсян кутасны печатайтсыны „В волостном омутѣ“ повестысь торѣя главаяс. Дзоньнас повестысь лѣас лѣздѣма торѣя книгаѣн.

I

Когда я кончил городское училище, отец мой сказал мне:

— Молодец, Ваня. Все-таки добился своего. Не пропала твоя зубрежка. Теперь твое дело в шляпе. Давай-ка пораскинем мозгами, куда бы тебе пристроиться, а?

— Не знаю,—пробормотал я не имея никаких определенных планов устройства своей дальнейшей жизни.

— Я тоже не знаю,—продолжал отец:—но все-таки надо попробовать. Не клином же свет сошелся. Авось, и выпалит где-нибудь.

— А где?

— Мало-ли где. Вот, например, в земстве, в полиции, в городской управе. Писцы везде требуются. А у тебя почерк хороший. И грамота, к тому же, презрядная. Может, и попадешь куда-нибудь.

— Что ж, я бы с удовольствием,—отозвался я и не имел уже смелости заявить отцу о том, что мне хотелось бы продолжать ученье в гимназии или же в учительской семинарии, куда собирались ехать многие из моих товарищей. Я был в таком положении, что о подобной „роскоши“ мне и думать было нельзя.

Отец проявил кипучую деятель-

ность в поисках для меня „местечка“, но все труды его пропали даром: писцов было везде более чем достаточно и в моих услугах никто не нуждался. Так дело тянулось до осени. Я уже начинал терять надежду попасть „куда-нибудь“, как вдруг счастье повернулось ко мне лицом. Это произошло следующим образом.

Одважды, в пасмурный сентябрьский день, уже под вечер, отец ушел в лавку за какими-то покупками. Я читал книгу „Оборона Севастополя“ и до того увлекся описанием героических подвигов севастопольских защитников, что не заметил, как отворилась дверь и вошел отец, вернувшийся из лавки.

— Ваня, а, Ваня,—окликнул он меня, выкладывая на стол принесенные покупки:—Я тебе новость скажу.

— Какую новость?—встрепенулся я, ожидая услышать нечто не совсем обыкновенное.

— Я тебе местечко нашел... то есть не совсем еще нашел, а все-таки можно надеяться...

— Неужто, взаправду, местечко?—обрадовалась моя мать, всегда мечтавшая увидеть меня на положении „служащего человека“, получающего определенное жалованье.

— Думаю, что взаправду, ежели Антипов не врет.

— Какой Антипов?

— А вот, который у земского начальника письмоводителем служит, знаешь наверное? Сейчас я с ним в лавке у Калбасникова встретился. Ну, поздоровались мы с ним, разговаривались о том, о сем. Я и говорю ему: вот, мол, какая штука, Василий Иванович... У меня, мол, сынишка городское кончил и места найти не может. Просто, мол, беда да и только!—А он на то отвечает: „Не один твой сынишка, говорит, без места сидит. Многие места ищут. Ко мне еще сегодня двое приходили...“

— А что, говорю, разве у вас предвидится свободная вакансия?— „Да, говорит, в роде того. В Кошкине волостной писарь сменяется, увольняют его за пьянство. Придется нового писаря подыскивать...“— Ну, думаю себе, не зевай, парень! И начал я его, знаешь, чуть не слезно молить: голубчик, мол, Василий Иванович! Будьте отцом родным, назначьте моего Ванюшку в Кошкино!—А он этак с усмешкой поглядел на меня и говорит: „Я ведь не земский начальник, а только письмоводитель земского начальника. Я могу лишь попросить за твоего сына, а назначать и увольнять я не могу: Впрочем, говорит, барин всегда со мной советуется, так что и от меня многое зависит. Ступайте, говорит, с сыном к барину. Может и выйдет толк...“

— Господи, кабы назначили!—вздыхнула мать.—Шутка-ли, писарская вакансия! В Кошкине место не худое. Народ там богатый, хлебный. Только сумей обойтись с мужиками, живо озолотишься на таком месте.

Отец усмехнулся и сказал:

— Ну, уж ты это того... напрасно. Где там писарю озолотиться? Писарь все же не поп, не казенный лесобъездчик, которые привыкли драть с живого и мертвого. Писарю когда еще удастся окромя жалованья копеечку зашибить, а лесобъездчик сырым и вареным берет... Впрочем, и в писарях можно слушать, ежели умно себя вести. Вот

и Ваня послужил бы, лишь бы назначили его туда...

— Да, хорошо бы было, кабы назначили,—проговорила мать, мечтательно поглядев на меня.—На должности житье завидное, малина одним словом! Живешь, точно барин какой, в деревне первый человек. Пройдет месяц, и жалованье получаешь, какое тебе полагается. Завсегда денежки в кармане бренчат, точно у богача какого!.. Это не то, что сапожное ремесло: когда есть работа, живешь как и все добрые люди, чай пьешь, мясные щи хлебаешь, иногда булочку купишь, а вдруг работы не будет, пожалуй, голодный насидишься!..

— Ведь не сидела еще,—недовольно проворчал отец, занимавшийся сапожным ремеслом, а потому принявший последние слова матери на свой счет.

— Я и не говорю, что сидела. Только, говорю, насидеться можно. Знамо-дело, не на должности.

— Не всем же на должности быть! Коли меня грамоте не обучили, какую я должность могу справить? А вот Ваню того... надо на место посадить. Нынче кончивших любят, которые, значит, науку прошли. Только поклониться земскому начальнику нужно. Он поклоняется уважает. Ну, и Антипову тоже того... придется пятишницу посулить, что ли. При земском он—сила!.. Собирайся, Ваня, сейчас же,—обратился ко мне отец, решительно поднимаясь с места.—Нечего турусы разводить. Пойдем к земскому. Антипов туда же хотел итти. А при нем скорее вывезет.

У меня как-то екнуло сердце. Оно пробегало по спине. Не знаю, чего я испугался. Быть может, сознание своего ничтожества перед личностью земского начальника заставило меня устрашиться. На начальство я смотрел как на высшие, недостижимые для меня существа, окруженные ореолом своего начальнического величия. Я думал—и серьезно думал, что „господа“ живут какой то особой, непонятной для меня жизнью, исполненной благородства и важности. В училище я

всегда чувствовал некоторую робость в душе, когда сухой хромоногий инспектор, с неизменной тросточкой в руках, переваливаясь, как уточка, проходил по классу и бросал по сторонам суровые взгляды. Но там нас было много, так много, что я не мог обратить на себя чьего либо особенного внимания. А тут вдруг к земскому начальнику... лицом к лицу, один на один! Брр!.. как это жутко! Лучше бы завтра, а не сегодня...

И я решил заметить отцу:

— Да сегодня уж поздно, тятя. Темнеет. Нельзя ли до утра отложить?

— Нет, зачем откладывать,—возразил отец, нахлобучивая на голову фуражку.—Пожалуй, прозеваем еще. Многие места ищут. Как бы не упредили нас. Одевайся скорей и пойдем.

— Ну, пойдем,—пробормотал я, дрожащими руками застегивая пуговицы своего пальтишко.

Волнение мое не уменьшалось. Мне все думалось, что я „осрамлюсь“ перед начальством, и эта мысль лишала меня бодрости. Признаться, я от души желал бы попасть на писарскую должность и, конечно, был бы доволен, если бы меня назначили в Кошкино. Но я был робок, застенчив и, собираясь к земскому начальнику, положительно дрожал как в лихорадке. В сущности, мне прямо было необходимо поступить на какую-нибудь службу, чтобы помогать отцу в пропитании нашей семьи. А семья у нас была огромная. Кроме меня было еще пятеро детей мал-мала меньше. Мне, старшему, было восемнадцать лет от роду, а младшей сестре только два года. Достатками мы не могли похвалиться. Отец занимался сапожничеством и, не имея больших заказов, частенько ругал свое ремесло, говоря, что в нашем городишке сапожнику гибель, одно слово: всегда с хлеба на квас перебивайся!.. Меня, однако, он решил „образовать“ в городском училище, и хотя я, по малоуспешности, в первых двух классах просидел по два года, он

упрямо твердил моей матери: „Ну, что за беда! Не звезды же мальченке с неба хватать! Пусть он поосновательнее поучится, подольше, не как там другие прочие. Небось, кончит когда нибудь, не беспокойся“...—В последних двух классах я уже учился поуспешнее и при окончании курса получил похвальный лист, что крайне обрадовало и меня, и родителей. Отец даже пришел в восторг по поводу моей награды. „Да, это штучка, братец ты мой!—сказал он.—С листом этим можно дорогу найти!“ Но увы, как оказалось впоследствии, моя награда имела мало весу в тех местах, куда я пробовал обращаться с просьбами о вакансии. Там ценили только способность к канцелярской работе, а об остальном и думать не хотели. И отец уже перестал восхищаться моим школьным отличием, уразумев ту великую истину, что главная сила в „знакомстве“, в протекции, а уж никак не в похвальных листах...

— Э, Ваня, да ты дрожишь, никак?—обернулся ко мне отец, когда мы вышли из дому на улицу и зашагали в ту сторону, где жил земский начальник.—Что, разве холодно?

— Да, пожалуй, не совсем тепло...

— Неужто зябнешь?

— Нет, не зябну, а так...

— Чего так?

— Озноб какой то прохватывает.

— То-то озноб,—недовольно проворчал отец.—Смотри, брат, не осрамись... не дрожи так перед начальством, как сейчас дрожишь. Веди себя бодро и смело. Отвечай на вопросы не задумываясь. Расторопных начальство любит... А главное подлезть сумеи...

— Это как же подлезть?—удивился я, не совсем ясно понимая такое слово.

— А вот так, значит: понравься кому следует, в душу ему залезь. Я, мол, ваше высокоблагородие, весьма постараюсь по служебной части, чтобы ваше высокоблагородие довольны были... Я, мол, ваше высокоблагородие, так и так.., того... уповаю на вашу милость... Я, мол,

осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше высокоблагородие, будьте настолько многомилостивы, назначьте меня... Ну, и прочее в том же роде. А слово скажешь—и поклон, и поклон! Да пониже, да пониже! Голова ведь крепко сидит на шее, не отвалится. А начальству любо́ будет. Понял?

— Как не понял,—сказал я, выслушав такое поучение.—Это понять не трудно.

— А потом, когда ты на должность поступишь,—продолжал отец:—тогда и на твоей улице будет праздник! Только бы на место тебе угодить, а там бог-даст, и тебе самому будут кланяться...

— Кто?—удивился я.

— Как кто? А мужики деревенские! Разве ты не знаешь, что в деревне волостной писарь—шишка не маленькая? Писарь там всякие дела вершит, писарь всем миром ворочает. Он может любого мужика в бараний рог согнуть... Он может на основании статей закона полное беззаконие учинить.. Ну, и придется ему поклониться, ежели нужна пристигнет. Писарю как не поклониться! А сейчас, слышь, Ванюха... сейчас ты сам погни спину-то, когда перед земским начальником будешь стоять. Да смотри, пониже кланяйся, чтоб он доволен остался.

— Слышу, слышу,—пробормотал я и задумался над родительским наставлением, произнесенным тоном непреложного убеждения.

— И подлезать надо, и кланяться,—вертелось у меня в голове, пока я проходил по грязным улицам родного городка, приближаясь к дому земского начальника.—Будто и нельзя иначе? А, по моему бы, просто попросить... с почтением, но без поклонов. Разве не тоже выйдет? Да нет, должно быть, нельзя... не полагается так... экое, подумаешь, начальство!—скользнула у меня язвительная мысль, неведомо откуда явившаяся. Но я подавил эту мысль и быстрее зашагал вперед, за отцом, который уже подходил к калитке того дома, где жил земский начальник.

II

Над городом спускались сумерки. По небу ползли тучи и сеяли легоньким дождем, называемым у нас осенней жмычкой. В домах зажигались огни. Заблестел огонек и в окнах у земского начальника. Отец осторожно открыл калитку и сказал мне полупшопотом:

— Ну, войдем, Ваня. Поднимемся по черному ходу. Я знаю, куда идти. А ты, брат, того... не робей. Помни, что храбрость города берет. А иначе всю музыку можешь испортить.

— Ладно, ладно,—отозвался я, и мы двинулись через двор ко крыльцу, имеющему две лестницы—парадную и черную, разделенные между собой тонкой досчатой стенкой.

— Дома барин?—спросил отец у встретившейся на лестнице девушки, вероятно горничной, прошмыгнувшей мимо нас с чем-то белым в руках.

— Дома. А вам зачем?—остановилась та, окинув нас веселым, смеющимся взглядом.

— Дело есть до него. Увидать бы надо.

— А, вот, пройдите на кухню. Он тут как раз. Сейчас к нему кошкинский писарь пришел... и жена с ним. Оба в ногах валяются, просят на месте оставить... Но барин и слышать их не хочет! Шибко уж рассердил его этот писарь—беда! Даже ногами топает... А писариха сильно плачет, просто слезами заливается. Даже и я всплакнула... Хи-хи-хи!

Горничная засмеялась и исчезла. Отец шепнул мне:

— Ну, угадали как раз. Ни раньше, ни позже. Пожалуй, не совсем ловко... Ну, да назад не воротимся. Если уж пришли, так зайдем.

Я только кивнул головой и молча последовал за отцом, с поразительным спокойствием продолжавшим подниматься по лестнице. Вот мы очутились на верхней площадке, отец открыл дверь в сени, а затем на кухню, откуда доносился зычный, рокошующий голос, гневно кричавший что-то.

На кухне я ничего не успел раз-

глядеть, как прямо передомной выросла массивная фигура земского начальника, с большим животом, с круглой плешивой головой, которая так и сияла от света висячей лампы. Я остановился и замер.

— Зачем?—рыкнул земский, и пара острых, заплывших жиром глазок устремились на меня.

Я поклонился и пробормотал:

— К вашей милости... с просьбой...

— Не слышу!—зарычал земский.— Говори громче!

— К вашей милости, ваше высокоблагородие, со всепокорнейшей просьбой,—членораздельно и внятно проговорил отец, отвешивая глубокий поклон.—На счет какого-нибудь местечка...

— Какого местечка?

— По письменной части, ваше высокоблагородие.

— Это ему, что-ли?

Земский начальник ткнул в меня пальцем и рассмеялся.

— Так точно, ваше высокоблагородие. Это мой сын. Он кончил городское училище с похвальным листом...

— А! Это и видно!—промычал земский.—Впрочем, подождите. Я с вами потолкую потом. Сначала этих отпущу. Сядьте.

Он указал рукой на диван, стоявший у порога, куда мы и присели. Я оглянул комнату и тут только заметил, что кроме нас у земского начальника были еще двое людей—мужчина и женщина, имеющие самый пришибленный вид. Мужчина опустил голову и смотрел в землю, чуть не до крови кусая себе губы, а женщина с тоскливым выражением лица, со слезами на глазах глядела на земского начальника взглядом человека, приговоренного к смертной казни. Земский повернулся к ним и заговорил:

— А я вам уже сказал... ну, окончательно сказал; не просите, не надейтесь! Я не намерен держать таких писарей, которые служить не желают... Ты, Плюхин, положительно безнадёжный пьяница! Ты пьянствуешь, а дело у тебя стоит... По волостному суду все запущено...

Множество бумаг не исполнено. И со старшиной у тебя контры какие то... Вообще, плохо у тебя все. Я сам удостоверился... Ты просто из терпения меня вывел. Например, в последний раз, приезжаю я в Кошкино. Где писарь?—спрашиваю. Говорят: болен, хворает... Я потребовал книги у старшины, начал делать ревизию... Везде упущения, путаница! Везде пьяная рука заметна!.. А тут вдруг являешься ты... пьяный, как стелька! Этого еще не доставало... Ты начал говорить мне дерзости, толковать о каком-то своем собственном человеческом достоинстве. Ну, а если ты человек с собственным достоинством, а главное—пьяница, сделай милость, не служи у меня! Я не держу... я не прошу тебя служить...

Земский начал горячиться. Блестящая плешь на его голове покрылась каплями пота. Он подошел вплотную к Плюхину и закричал, положительно оглушая всех нас, находившихся в комнате:

— Я не люблю таких людей, которые из своей ячейки высказывают! Ты нализался до положения риз и со мной в рассуждения пустился!.. Дело писаря—молчать и исполнять, а не рассуждать! А ты... ты... ты о себе возмечтал!.. Ты осмелился противоречить... и в пьяном виде!.. Так вот и устраивай теперь диспуты с кем угодно, а не со мной... Ты свободен. Можешь уходить!

— Ваше высокоблагородие!—пробормотал увольняемый писарь, не поднимая глаз с пола.

— Чего еще?

— Нельзя ли простить, ваше высокоблагородие? Будьте милостивы...

— Нет, нет и нет! Уходи. Я не изменю своего слова. Ты уволен и баста. Я не могу потворствовать пьяницам.

— Ваше высокоблагородие,—снова раздался вздрагивающий, как бы сдавленный чем-то голос Плюхина:—я обещаю не пить водки. Ни капли. Будьте милостивы!

— Поздно каяться, сударь. Я решил—и будет так. Уходи. Я не желаю с тобой разговаривать.

— Ваше высокоблагородие!—уже

с отчаянием выкрикнул писарь, но земский начальник махнул рукой и пошел в другую комнату, унося с собой последнюю надежду Плюхиных.

— Господи, да что же это?— простонала жена писаря и с плачем упала на колени, простирая руки вслед уходившему начальнику.

— Ваше высокоблагородие! Отец родной!— всхлипывала она, буквально захлебываясь слезами.— Смилюйтесь! Не погубите! У нас семеро детей... все маленькие... Куда мы денемся с ними?.. У нас ни кола, ни двора... денег нет... жить не на что... Неужто по миру идти?.. О, господи, господи!.. Ваше высокоблагородие, смилюйтесь!..

Спина земского исчезла в дверях. Писариха продолжала плакать, ломая в отчаянии руки. Мне было страшно жалко ее, жалко и Плюхина, на место которого я хотел проситься. Я так бы и крикнул, если бы смел, что не надо мне писарьской должности, пусть только остается на ней Плюхин, обремененный таким семейством. Но, конечно, я не сказал ничего, а ограничился тяжелым вздохом.

Прошло несколько минут. Писариха немного успокоилась, поднялась с полу. Плюхин обернулся к ней, как-то криво усмехнулся и проговорил хриплым голосом:

— Пойдем. Ведь, видишь, и слышать не хочет... Чтоб ему!..

Он покосился на нас и замолк. В глазах его блеснул злобный огонек. Повидимому, он подозревал, что я, как пришедший просить местечка „по письменной части“, могу некоторым образом рассчитывать на писарьскую вакансию в Кошкине, и это возбуждало его против нас. Жена молча подтянула концы развязавшегося платка, молча отглянула нас с ног до головы и молча же повернулась к выходу.

В этот момент в дверях, куда скрылся земский начальник, показался человек среднего роста, толстый, пузатенький, с круглым бородатым лицом и чрезвычайно маслянистыми глазами, которые, казалось, так и светились лукавством.

Он был одет весьма прилично: в черный суконный пиджак и черные же брюки, выпущенные поверх ярко начищенных ботинок. Из под пиджака виднелся воротничек полотняной рубашки, кажется, даже накрахмаленной. Поверх светло-серого жилета извивалась толстая серебряная цепь у часов с большим брелоком, изображающим две целующиеся человеческие головы. Это был знакомый отцу Антипов, писмоводитель земского начальника.

— Вот что, брат,— обратился он к Плюхину, нахлобучивавшему уже на голову картуз, чтобы выйти:— барин велел тебе сказать, что ради семьи он прощает тебя...

— Ах, едят ты мухи!— прошептал отец, наклонясь к моему уху.— Его, ведь, в Кошкине оставляют!

Плюхины так и остолбенели, пораженные неожиданным счастьем. Но радость их скоро превратилась в разочарование. Антипов погладил свою бороду и, снисходительно улыбаясь, продолжал:

— Ну, да, прощает, но не совсем прощает, а маленечко... Ты не подумай, пожалуйста, что он тебя в Кошкине оставляет. В Кошкине будет назначен другой... не знаю еще кто. А, вот, тебе он в Погореловку предлагает...

— В Погореловку?— протянул Плюхин, и жалобная, слезливая нотка послышалась в его голосе.

— Да, в Погореловку.

— В сельские писаря, значит?

— Стало быть. Там волостного правления нет, а есть сельское управление. Что-ж и то лучше, чем ничего.

— Но как же я семейство прокормлю, Василий Иванович? Ведь жалованье там восемь рублей в месяц, и никаких посторонних доходов. Право, хоть петлю на шею!

— Это твое дело... Так вот, если желаешь в Погореловку, то напиши прошение о назначении и подай земскому. А я тебе ничем помочь не могу. Барин на тебя очень сердит. А я человек маленький... девятая спица в колеснице, как говорится, хе-хе! Впрочем, и за это можно спасибо сказать. Лучше ма-

ло, чем ничего. Ведь курица по зернышку клюет... хе-хе! Ну, до свиданья,—добавил Антипов, слегка кивнув головою.

Плюхины поклонились и вышли. Видно было, что и эта ничтожная должность с нищенским окладом отчасти удовлетворила их. Все-таки кусок хлеба, хотя и не совсем сытный „кусок“. А куса то хлеба они и страшились лишиться.

III

На кухне мы остались одни. Лицо у отца прояснилось. Вакансия в Кошкине была свободна. Следовательно, можно было надеяться. Он вскочил с места и начал отшешивать поклоны толстенькому письмоводителю, принимавшему это как должное.

— А, это ты, Матвей Степанович, и с сыном?—процедил Антипов, подавая руку отцу, а затем и мне.—Ну, здравствуйте, здравствуйте. Барин вас в канцелярию зовет. Пойдемте за мной. Я проведу. Так вы, значит, на счет вакансии... в писаря, что-ли?

— Да, осмеливаемся просить... в волостные бы...

Антипов поднял брови.

— Волостные? Гм!.. Это, пожалуй, не того... не совсем подходяще. В волостные опытных надо. А сынок твой, кажется, не опытен еще. Ему не управиться будет... не по силам...

— Но вы же давече говорили, Василий Иванович...

— Что я такое говорил?

— Чтобы мы приходили к барину... чтобы мой Ванюша в Кошкино просился...

— Вот вы и просите барина,—усмехнулся письмоводитель.—Я против этого ничего не имею. Но со своей стороны я полагаю, что твой сынок не может исправлять должность волостного писаря.

— Ну, полноте, Василий Иванович,—зайскиваяще заговорил отец почему то понижая голос.—Ванюша мой толковый парень. Городское кончил с похвальным листом...

— Образование тут не причем,—перебил Антипов, скользнув по мне

быстрым взглядом.—Главное, опытность нужна. А опытности то и нет у Ивана... Ивана Матвеевича,—докончил он.

— Я постарался бы, Василий Иванович,—сказал я, польщенный тем, что письмоводитель назвал меня по имени и отчеству.

Антипов благосклонно улыбнулся.

— Старание само по себе и опытность само по себе,—мягко выговорил он.—Одно другому не мешает, как говорится. Впрочем, пойдемте в канцелярию,—круто повернулся он на месте.—Там земский разберет, что и как. Если назначит вас в волостные—его воля, а если не назначит—тоже его воля. А мое дело сторона. Я человек маленький... хотя, конечно, и я иногда могу... при случае...

— Послушайте, Василий Иванович,—уже совсем шопотом заговорил отец, удержав Антипова за полу пиджака.—Я вам такое слово скажу. Мы бы, сколько могли, отблагодарили бы вас... ну, ублажили бы вас, вот как перед истинным, только назначьте в Кошкино. Ну, что вам стоит? Только слово сказать, и готово. Земский вас, я знаю, послушает. А мы вам... того... ну, пятишницу, что-ли... Понимаете? Право же, замолвите словечко.

Антипов почесал щеку через бороду, скривил губы в какую то полу-презрительную, полунасмешливую улыбку, прищурил глаза и произнес тоже шопотом:

— Пятишница что? Хм! Тут не пятишницей пахнет. Если желаете попасть в Кошкино, уделите одно месячное жалованье. А меньше ни копейки не возьму... и вам не попасть без моей помощи...

— А велико-ли там жалованье?

— Двадцать рублей в месяц.

— Значит, вы двадцать рублей просите?

— Вот именно.

— Господи да неужто так много?—вытарашил глаза отец, и беспомощно развел руками. Но Антипов подтвердил спокойно:

— Меньше нельзя. Если согласны—ваше место, а если нет—другие

найдутся. Ко мне уже многие обращались...

— Ну, будь по вашему: двадцать, так двадцать!—вздыхнул отец и, понурившись, зашагал за письмоводителем, имевшим такой вид, будто ничего особенного не случилось.

А мне было страшно неловко и стыдно чего-то... право, сам не знаю чего. Конечно, я был не щепетилен, да и какая щепетильность могла во мне возникнуть, когда я родился и вырос в той среде, где происходила вечная погоня за копейкой. Копейка поглощала всех, из-за копейки многие кривили душой. Но это была именно „копеечная“ неправда, а не „рублевая“. На „рублевый подвох“ копеечники, натурально, не решились бы. И, быть может, стоя на точке зрения „копеечников“, я потому именно устыдился и смутился, что Антипов представился для меня слишком крупным взяточником, обирающим десятки рублей, тогда как предложенная ему отцом пятишница нимало меня не удивила.

„А дорого же он просит, однако... безбожно даже!“—подумал я и, еще более робкий и приниженный, вступил в канцелярию земского начальника.

Земский в канцелярии был один. Никого из посторонних, кроме вошедшего с нами Антипова, не было. Я огляделся вокруг и был поражен видом множества столов и шкапов, заваленных книгами и бумагами. У меня просто глаза разбежались. Для чего и к чему такая уйма „дел“? Неужели везде написано что-нибудь серьезное и важное?.. Антипов подошел к столу, у которого сидел начальник спиною к нам и доложил:

— Вячеслав Вячеславович, вот они пришли.

— А, пришли,—брезгливо промычал земский и, не поварачиваясь к нам, заговорил:

— Вот что вы... как вас там? Вы о местечке просите? Что же, я, пожалуй, дал бы место. Но в настоящее время не могу. Нет подходящей вакансии...

— Позвольте вам напомнить, Вячеслав Вячеславович,—почтительно заметил Антипов, перебивая речь

своего патрона:—в Кошкине вакансия свободная. Вот бы туда его... этого молодого человека...

— Этого мальчиш... этого мальчика в Кошкино?—удивленно протянул земский и шумно поднялся с места.—Право, ты не от себя говоришь, брат Антипов! Ты такой рассудительный человек, и вдруг подобный совет!.. Разве в сельские писаря его? Ну, это дело другого рода. А то в волостные... мальчика... Фи! Нет, это не годится. Пожалуйста, не толкуй вздора... Я не могу... я не желаю... И без того много возни с этими писарями. А тут еще мальчик в придачу.

Антипов погладил свою бороду и, нимало, повидимому, не смутившись, возразил:

— Осмелюсь не согласиться с вами, Вячеслав Вячеславович. Это совсем не мальчик, а возрастной молодой человек. Образование его, по здешнему, можно сказать, блестящее. Поведение хорошее. Водки он в рот не берет, даже табак не курит. Ну, чем он не волостной писарь по-вашему?

Земский прошелся несколько раз по канцелярии, закурил папироску, искоса поглядел на нас, потом на письмоводителя, и вдруг громко расхохотался, осененный какою-то мыслью.

— Ах, плут, плут!—сквозь смех повторял он, грозя Антипову пальцем.—Опять, наверное, содрал или намерен содрать! Право, какая сметка... американская, можно сказать... ха, ха, ха!.. Ну, сознавайся, голубчик, сколько ты выговорил себе за труд, за рекомендацию? Какой гонорар имеешь в виду... Ах ты, распротаканная бестия! Не даром же ты так распинаешься... Я сейчас сообразил... Ха-ха-ха! Ну, говори, сколько?

— Вы изволите шутить, Вячеслав Вячеславович,—скромно потупил глаза письмоводитель, хоть на губах его играла лукавая, подбострастная улыбка.—Я не имею в виду никакого гонорара. И рекомендовать я не могу. Кто посмотрит на мою рекомендацию? Я только от простоты душевной говорю, а вы можете принять во внимание мои слова или не

принять... А, всетаки, этот молодой человек вполне подходит для писарской должности в Кошкино. Я ручаюсь за него.

Земский опять засмеялся и, подойдя к Антипову, хлопнул его по плечу.

— Ах, бестия ты, братец... бестия, и больше ничего! Крепко за свое держишься. Вероятно, гонорар крупный... ха-ха-ха!.. Впрочем, я ничего не имею против этого молодого человека. Что-ж, в Кошкино, так в Кошкино! Пускай служит. Только смотри, брат, за последствия ты отвечаешь.

— Не извольте беспокоиться, Вячеслав Вячеславович. Я знаю этого молодого человека... отлично знаю. Лучшего писаря в Кошкино и желать не надо.

— Хорошо, хорошо. Верю тебе. Эх, ведь, ты за него распинаешься!— усмехнулся земский и опустился в глубокое кожаное кресло, стоявшее у письменного стола, заваленного бумагами и книгами. Потом он поманил меня к себе:

— А ну, подойди-ка ты сюда... как бишь тебя? Я с тобой потолкую.

Я сорвался с места и нервным, суетливым шагом подошел к столу. Сердце у меня так и заколотилось.

Земский вонзил в меня свои острые, заплывшие жиром глазки, несколько минут внимательно рассматривал мое лицо, как бы изучая его черты, и, наконец, сказал:

— Кажется, человек не глупый, судя по наружности. Главное, скромность несомненная. А скромность—качество благоприличное, а особенно для волостного писаря. Итак, будешь ты волостным писарем в Кошкине!— ткнул он в мою грудь указательным пальцем, украшенным огромным перстнем.—Понял?

— Понял, ваше высокоблагородие,—ответил я и хотел отвесить глубокий поклон, как учил отец, но, вместо того, только пробормотал: „Весьма вам благодарен за милость“... Кланяться же мне почему-то было стыдно и стеснительно, точно в поклонах заключалось что-то унижительное или другое, хотя, ко-

нечно, я тогда ничего подобного не думал.

— Да, будешь ты писарем в Кошкине,—повторил земский начальник.—А потому смотри, брат, чтобы у тебя все в порядке было. Беспорядок я не терплю. Ни-ни! Ни в каком случае! За беспорядки я с тебя взыскивать буду. Строго взыскивать. Так ты и знай! Главное бумаги исполняй без замедления, которые в волостное правление поступают. Это важнее всего, потому что неисполненные бумаги говорят о нерадении писаря. Вообще не ленись, не бездельничай, не пьянствуй, не миндальничай с мужиками, а усердно исполняй свои обязанности, чем ты заслужишь мое одобрение. Понимаешь: полное мое одобрение!—подчеркнул земский.—А если старшина пьянствовать начнет, ты его моим именем пострадай, предупреди его, что вот, мол, земский начальник тебя проберет с песком, оштрафует там, что ли, или при полиции арестует... Впрочем, кошкинский старшина неглупый мужик, он начальство почитает, с ним тебе не трудно будет ладить. А затем, вот еще что... Ах, канальство!—вдруг выругался земский, перебивая самого себя.—Я назначил тебя писарем, а не знаю еще твоей фамилии!

Я торопливо ответил:

— Котельников, Иван Матвеев.

— Тебе сколько лет?

— Восемнадцать.

— Э, да ты дубина порядочная! А я тебя за мальчику принял. Почему же ты такой плюгавый на вид?

— Не знаю.

Земский вдруг рассердился.

— Вот что, Котельников,—внушительно загромыхал он:—Ты запомни раз навсегда, что меня всегда и везде надо титуловать: ваше высокоблагородие! А ты бормочешь как попугай: „Котельников“... „Восемнадцать“... „Не знаю“... Этак относиться ко мне не годится. Ты должен отвечать так: „Котельников, ваше высокоблагородие“!.. „Восемнадцать, ваше высокоблагородие“!.. „Не знаю, ваше высокоблагородие“!.. и так далее, и так далее... Помни это и не забывай. Слышишь?

— Слышу, ваше высокоблагородие,—пробормотал я, чувствуя, что у меня начинает дрожать нижняя челюсть. Мне было страшно обидно и горько от подобных слов земского, кричавшего на меня так сердито. Я понял, что попал в начальнические руки, которые уже начали меня сжимать и ломать, как свою благоприобретенную вещь... А земский продолжал уже гораздо спокойнее и ласковее.

— Так вот что я хотел сказать тебе, Котельников. Там тебе волостным судом заняться придется. А это такая штука, где писарь может сделать много хорошего и дурного, смотря по своим нравственным качествам. Писарь в волостном суде—все! Задает тон волостным судьям, которые в законах ни бельмеса не понимают. А потому смотри, Котельников, не увлекайся своим значением, а настраивай судей на законный лад. Помни, что волостной суд находится под особенным моим наблюдением. Я люблю, чтобы суд был правдивый и милостивый для невинных и беспощадный для преступников. Главное, сутяг и буянов не надо жалеть. Строгий арест в высшем размере—вот для них должное наказание. Но можно иногда и розгами побаловаться... это изредка, конечно, потому что ныне выходящая власть косо на розги смотрит. Скоро, кажется, телесное наказание совсем будет изъято из употребления, но, пока что, не лишне, время от времени, пороть деревенских башибузуков, которые вполне достойны березовой каши. Понимаешь?

— Понимаю, ваше высокоблагородие.

— Ну, вот, хорошо было бы, конечно, почаще угощать их таким угощением, но увы, придется ограничиться несколькими случаями в год... к величайшему сожалению всех умных людей, понимающих, что без розог крестьяне совсем избалуются...

Земский шумно вздохнул, точно ему действительно было тяжело оставлять деревенский люд без поучительной и спасительной порки. Я хранил благоговейное молчание,

выслушивая, как нечто непреложное эти начальнические наставления. Розги в то время еще не были отменены манифестом (что последовало, впрочем, вскоре же после моего поступления на должность), а потому подобные разъяснения земского начальника были далеко не лишними, ибо, как оказалось в последствии, волостные судьи за самый маловажный проступок готовы были пороть провинившихся розгами...

Земский поднялся с места.

— Вот и все,—заклучил он.—Остальное тебе будет известно, когда ты познакомишься с волостной канцелярией. Завтра ты получишь предписание о назначении и отправишься в Кошкино. Ну, служи хорошенько!

— Слушаю, ваше высокоблагородие.

Земский вышел из комнаты, после чего Антипов тотчас же подбежал ко мне и протянул руку:

— Ну, поздравляю с должностью, Иван Матвеевич! Видишь, как хорошо обошлось. Что же, ты рад, наверное?

— Что и говорить, что и говорить, Василий Иванович,—возбужденно—радостно зашептал отец, на цыпочках подходя к письмоводителю.—Как Ванюше не радоваться! Место попалося первый сорт, можно сказать. Спасибо вам, Василий Иванович, вы постарались. Не знаем, как вас и благодарить...

— О благодарности, мы уже перетолковали с вами,—отмахнулся Антипов:—а потому об этом после. Теперь же я скажу Ивану Матвеевичу,—обратился он ко мне, крепко пожимая мою руку:—барин совсем не злой человек. Он только кричать горазд, а сердце у него доброе, отходчивое. Повернулся и все у него забыто. Я уж изучил его, знаю как свои пять пальцев. Стало быть бояться его нечего. Только конечно, много еще тебе разного шуму и крику придется переслушать от начальства. На то ведь оно и начальство, чтобы кричать. А наш брат маленькие люди должны молчать и покоряться... Надо, голубчик мой, ко всему привыкать, ко всякому шу-

му и гаму начальническому. А, впрочем, и дрожать не следует, ежели дела в порядке... Ну, будьте здоровы,—простился он со мной и с отцом.—Быть может, я забегу к вам после поздравить. А утром ты явишься сюда за предписанием, с которым и отправишься в Кошкино.

— До свиданья, Василий Иванович. Спасибо вам,—сказал я и вышел с отцом из начальнической канцелярии, куда уже вступал какой-то пожилой человек с бледным истомленным лицом, в ветхом пальтишке, по видимому, тоже из числа искателей „местечек“, дающих бедному люду более или менее сытный кусок хлеба.

IV

Не могу описать того восторга, с каким встретила моя мать известие о назначении меня на должность волостного писаря. Она крестилась и ахала, ахала и крестилась, допытывалась, как обошелся с нами земский начальник, что он говорил, о чем спрашивал, и повторяла чуть не через каждое слово:

— Ну, слава богу, слава богу! Все благополучно обошлось... Экое, подумать, счастье! Ведь двадцать рублей в месяц, шутка-ли сказать! Матушка царица небесная!..

— Антипов нам помог,—коротко пояснил отец, раздеваясь по приходе домой от земского.—А шельма он, по правде сказать, такая... ну, такая... отъявленная шельма! Да что? Ничего не поделаешь, Антипов там, мать моя, воротило—у-у—какое! Без него бы куда тебе... не видать бы Ване Кошкина как ушей своих!

— А земский чего говорил? Разве противился?

— Земский-то, пожалуй, того... нет, дескать, подходящей вакансии. А Антипов тут и доложил: вот-де в Кошкино свободно... и пошел, и пошел расписывать! Вот и выпалило сразу. А без Антипова бы ни в жизнь не попасть...

— Дай бог ему доброго здоровья,—даже перекрестилась мать.—Такой добрый человек...

— Да, добрый человек!—фыркнул отец.—Слупил с нас двадцать рублей.

— Как двадцать рублей?

— А так, вот, и двадцать рублей: слупил да и все тут! Ежели-де желаете в Кошкино попасть, уделите мне одно месячное жалованье, это четыре пятишники, значит, тогда и с богом в Кошкино. А меньше, говорит, ни копейки не возму... и вам, говорит, не попасть без меня... ну, и пришлось согласиться...

У матери и руки опустились. Она не ожидала, что придется заплатить такой крупной суммой, хотя и знала наперед, что без „подмазки“ письмоводителя не обойтись. Антипова все писаря „подмазывали“, как об этом носились слухи. А с вновь—назначаемых писарей он уже немилосердно драл.

— Какой жадный человек этот Антипов,—уже недовольно проворчала мать. Но отец перебил ее.

Бог с ним!—махнул он рукой.—Где наше не пропадало! По крайней мере, Ванюша при месте будет... Пусть он подавится нашими двадцатью рублями!

И лопнуть бы ему, живодеру проклятому!—энергично выругалась мать и, затем, заговорила с одушевлением:

— Зато теперь Ваня не двадцать рублей наживет. Ну скажем так, что первый месяц он задарма прослужит, чтоб этому живодеру глотку заткнуть. А дальше ведь жалованье пойдет. Пройдет месяц—и двадцать рублей! Пройдет месяц—и двадцать рублей! Только денежки в карман клади!.. А кроме того, посторонние доходишки могут быть. В Кошкине мужики хлебные, зажиточные, от них тоже можно пожить. Волостной писарь для всех полезен бывает, к нему все со своими докуками полезут, ну, и бери с них за труды, за усердие, за услугу, как говорится. Честно-благородно отчего не взять? Слыхала я, как писаря разживаются... это непьющие которые. Прямо капиталы сколачивают. А на одно жалованье небось не разживались бы. Это всякому понятно. Вот, Ваня и ты живи так, злым людям на зависть, добрым на похвалу. Главное, водку не пей. От водки добра не будет. А потом

начальству уноровляй. Начальству всегда уноровлять надо. А ежели начальство тебя полюбит, то долго ты проживешь на одном месте в довольстве и почести!..

— Да, да! Что и говорить! Верно, верно!—поддакивал отец и самодовольно поглаживал свою бороду, радуясь, что устроил судьбу сына.

Кругом говорили, смеялись, радовались. Отец рассказывал матери, как кричал земский начальник на Плюхиных, как он огорошил и нас своим рывканьем, как потом зартачился назначать меня в Кошкино, после чего, однако, склонился на доводы письмоводителя, убеждавшего, что я вполне подхожу для писарьской должности. И матери, заметно, было любо. Она поглядывала на меня и улыбалась. Младшие братишки и сестренки мои тоже смеялись и радовались, хотя, конечно, они еще смутно понимали важность совершившегося события. Откуда-то налезли соседи, прослышавшие о нашей радости, и, завистливо поглядывая на меня, ахали, сочувственно кивали головами, желали мне всяких успехов по службе и искренно удивлялись тому, что меня такое счастье „поискало“...

А я... что же я? Мне было ни грустно, ни весело. Какое то странное оупение, какое то равнодушие ко всему окружающему овладело моим существом и я относился к своему новому положению без всякого воодушевления. Бог знает, отчего это происходило. Быть может, трудности грядущей службы пугали меня. Быть может, бесцеремонный крик земского начальника обидел меня так глубоко, что я не мог радоваться покамест. Но, все таки, я делал вид, что счастлив, и не без торжества ухмылялся на одобрительные восклицания соседей...

Шумно у нас было на квартире. Соседей набралось еще больше. Мы жили в „подгорной“ части города, там где ютилась разная беднота: ремесленники, отставные солдаты, мелкие булочники, люди без определенных занятий. Все были любителями „выпить“, все поздравляли меня с „назначением“, а родителей

с „семейною радостью“ с таким видом, что не трудно было догадаться о том, чего они хотели достигнуть своими усердными доброжеланиями. Отец послал за водкой. Водку скоро принесли, целых две бутылки. Общество заметно оживилось. Отец начал разносить угощение. Рюмка была, разумеется, одна да и та же, с отломанной ножкой, почему пришлось все время держать ее в руках и передавать из рук в руки. Первым принял рюмку, наполненную водкой, отставной солдат Мокей, существующий на пенсию. Он истово перекрестился на иконы, пожелал хозяевам доброго здоровья и, оборотясь ко мне, сказал:

— А тебе, Иван Матвеевич, служить хорошо... верно и нелицемерно, не щадя живота своего... Жить да поживать, да добра наживать... Ну, будь здоров!

— Кушайте во здравие, — отозвался я, и Мокей опрокинул рюмку в рот, смакуя с видимым наслаждением.

Отец наполнил рюмку и поднес ее следующему. Это был прогнанный учитель церковно-приходской школы, составляющий прошения „по судебным делам“, ввиду чего его прозвали „ходатаем“. Он встал с лавки, поднял рюмку в руке и произнес торжественным голосом:

— Итак, имею честь поздравить вас, Иван Матвеевич, с высокорадостным событием!.. Да-с, случай подлежащий всестороннему обсуждению... А посему, и на основании фактических данных, желаю вам не сеять, не орать, а собирать хлеб в житницы свои. В результате же пью за ваше здоровье!..

— Ах, молодчина, брат Алексей Сидорович! — умилился отец от таких пожеланий и, в виде исключения, поднес ему другую рюмку кряду. „Ходатай“ выпил и закусил. Прочие смотрели на него с завистью.

Рюмка уже была в руках следующего посетителя — лудильщика медной посуды Афони Ольшука, глухого на одно ухо. Он оглянулся на меня и пробормотал:

— Здрав будь... Служи... Целую кастрюлю денег накопи... А ежели самовар там али что, я по знаком-

ству вылужу дешевле. Не сумлевайся...

— Кушай, кушай,—поторопил его отец, и через минуту рюмка шла дальше.

— Дай вам, господи, доброго здравия, Иван Матвеевич,—прошамкал восьмидесятилетний дьячек Кельсиян Доримедонтович, живущий на покое.—Как я эту рюмку пью, так и вам бы пить всю жизнь благодать божию... то бишь, счастье земнородное. Желаю вашему телу вожделенного здравия, а душе спасения, наипаче же успехов в делах ваших...

— Пей, дедушка, пей. Повтори еще,—подмигнул отец и вторично поднес рюмку отставному церковнику.

Кельсиян Доримедонтович выпил и закашлялся.

— Стар стал... ослаб...—бормотал он.—А в молодости то-ли бывало? Четвертями, грешный человек, сивуху тянул. Случалось и так, например. Когда, значит, к заутрени зазвонят, дернешь, эдак, для голоса полуштофчик—и поешь себе на клиросе, точно соловей заливаешься! А перед обедней опять полуштофчик, и опять музыкантишь во всю ивановскую!.. А нынче не тот фортель. За штатом нашего брата, стариков, содержать... Нынче по новому живут... ну, и порядки иные. А толку все же мало...

Над Кельсияном Доримедонтовичем все смеялись, а он говорил и говорил. Это было его коньком—вспоминать о давно минувших днях, когда и он, „чин церковного клира“, играл кое-какую роль в жизни. Особенно о выпивке любил он толковать, ибо выпивка была его пристрастием и в настоящее время. Про него в подгорной части города говорили, что Келься (как его называли сокращенно) с первой рюмки язык поразвяжет, а со второй уж пойдет молоть, „хоть святых вон выноси!“ И это было вполне справедливо.

— Ах, Келься, да перестань же ты!—прикрикнул на него тот из соседей, которому отец последним подносил водку.—Надо мне здоровья пожелать Ивану Матвеевичу, а ты все бунчишь... слова сказать не даешь...

— Ну, и желай... Я не мешаю,—обиделся дьячек.—Ты о себе мечтаешь, что я-де иголками торг произвожу, так мне всякое непотребство невозбранно есть... А я, брат, с архиереем беседовал...

И неугомонный старичек опять пустился в рассказ о своей беседе с архиереем, у которого побывал два года назад с просьбой о пособии.

Но оратора уже никто не слушал.

— За ваше здоровье, Иван Матвеевич!—повернулся ко мне юркий разносчик мелочных товаров, любивший при случае щегольнуть мудреными словечками.—Всякого благовам! А как вы теперича на ваканцию вступаете, то желаю я вам с канцелярским наитием успешно справляться. В волости делов много, на всякую резолюцию особая статья. А потому двигайте науку вперед, Иван Матвеевич, без всяких там препон и сомнений!... Ну, будьте здоровы!

— Кушайте, кушайте,—проговорил я как того требовал порядок, и высокоумный разносчик выпил рюмку с таким видом, точно совершал какое-то священнодействие.

Соседи засиделись у нас долгонько, толкуя о том, о сем, а главное—о моем назначении. Всем было завидно и, кажется, немножко досадно, что на нашу семью свалилась с неба такая благодать. Между добрыми соседями всегда бывает так, что благополучие одного последовательно вызывает зависть у другого, или же если один попадет в беду, то другой уж непременно злорадствует, хотя на словах и старается выразить свое сочувствие. Это я сужу по себе. В училище я страшно завидовал своим товарищам, которые лучше меня учились и получали похвальные листы при переходах из класса в класс. Которые же учились хуже меня, над теми я в душе посмеивался и тоже злорадствовал: Что, мол, каково? Так вам и надо!

— А не пора-ли, господа, со двора?—наконец поднялся с места „ходатай“, берясь за шапку.—Кстати, и водка испарилась,—кивнул он на стол, где стояли опустевшие бутылки.—Да и хозяевам покой надо дать. А потому я ретируюсь. До свиданья,

Матвей Степанович! До свиданья, хозяйшюка! Прощайте, Иван Матвеевич! Желаю вам широкого полета. Орлом летайте. Не пропускайте своего, где случится, но, все-таки, осторожность соблюдайте. Ведите себя не так, как, например, я себя вел—и долго княжить в Кошкине будете!

— Придется, видно, княжить,— улыбнулся я, пожимая руку отставному педагогу.— Спасибо, что добра желаете.

— Я всем добра желаю, только мало меня понимают!—трагически развел руками „ходатай“ и, нахлобучив шапку на голову, вышел из комнаты.

Следом за ним, мало по малу разбредлись и остальные гости. Мать собралась ужинать. Мы сели за стол, но закусить нам все таки не удалось. Послышались чьи то шаги на крыльце, потом в сенях, и на пороге показался Антипов.

— Ах, извините, пожалуйста, я поздно,—говорил он, раздеваясь.— Но нельзя же не поздравить своего вновь назначенного писаря (он подчеркнул слово: своего). Вот, я подумал, подумал и решил: пойду к Котельниковым. Ну, и пришел. Рады не рады, а принимайте!

— Милости просим, милости просим, Василий Иванович,—засуетился отец, не зная, куда усадить гостя.— Мы вам завсегда рады. Как такому дорогому гостю не радоваться?.. Ваня слетай-ка ты, голубчик, туда... знаешь куда? Принеси светленького посудинку. А ежели казенка заперта, в шинках раздобудь где-нибудь. Ведь у нас под горой беспатентных вино-торговцев сколько угодно.

Я побежал за „светленьким“. Когда я вернулся с полуштофом водки, на столе уже кипел самовар. Антипов развалился на стуле и, помещивая в стакане ложечкой, благосклонно слушал моего отца, который ему что-то рассказывал. Отец так и таял, так и млел перед письмоводителем, выпятившим вперед свое брюхо, по которому извивалась серебряная цепь от часов. Видимо Антипову было лестно, что перед ним так преклоняются, и он по временам смеялся

сытым, коротким смешком, поблескивая масляными глазами.

— Ах, ведь у нас только одна рюмка, да и та без ножки,—спохватился отец и тотчас же командировал к соседям мою сестренку, которая скоро принесла две рюмки.

— Пожалуйте, Василий Иванович,—сказал отец, чокаясь с гостем.— Кушайте на доброе здоровье!

— А ты разве не поддержишь компанию, Иван Матвеевич?—обратился ко мне Антипов, видя, что я не проявляю намерения приложиться к рюмке.

— Он у нас не питуха, Василий Иванович,—ответил за меня отец, как бы гордившийся моею трезвостью.— Не знаю, что дальше будет, а пока в рот не берет.

— Ну, это пожалуй, лишнее... совсем то не пить,—заметил Антипов.— В обществе как не выпить? Главное дело, пей, но ума не пропивай... не выходи из пределов приличия. Вот и все. А выпить всегда можно.

— Вот мы и выпьем с вами, Василий Иванович, а его пока в покое оставим! Небось, привыкнет когда-нибудь, не беспокойтесь!—хихикнул отец и осушил свою рюмку, выждав, однако, чтобы сначала выпил письмоводитель.

— Кушайте еще, Василий Иванович,—сказал я, собственноручно доливая рюмки.—Пожалуйста!

Антипов сделал вид, что не слышал моего приглашения. Так он поступил, повидимому, для того, чтобы заставить меня лишний раз „попросить“ его. Я повторил снова. Тогда он галантно склонился всем корпусом в мою сторону и проговорил:

— Ах, не беспокойся, пожалуйста молодой человек. Я, знаешь-ли, пью без церемонии. Право, без всякой церемонии. Ну, будьте здоровы!

Он чокнулся с отцом и выпил, опрокинув рюмку с каким-то особенным шиком. Глазки его делались еще маслянее.

— Вот что, Иван Матвеевич,—заговорил он, небрежно откидываясь на спинку стула:—я тебе хороший совет дам. Когда ты вступишь в исполнение своих служебных обязан-

ностей, то не особенно дружи с мужиками, а держи их в некотором отдалении от себя. Пусть они знают свое место, а ты свое знай. А, впрочем, пользоваться мужицкою доброю не возбраняется, хе-хе! Всякое даяние благо, как говорится... Можно и брать, если будут давать... А затем вот еще что. Над тобой будет торчать множество всякого начальства... Земский начальник, исправник, становой пристав, податный инспектор, следователь, полицейское управление, земская управа и прочее и прочее. Придется всякого чорта бояться и всякому чорту повиноваться... Но, все таки, ты имей в виду, что главный твой владыка—земский начальник, а потому угождай ему со всем усердием, на какое только способен... ну, и письмоводителю его тоже, ха-ха-ха!—расхохотался Антипов и опять приложился к рюмочке, предупредительно долитой мною.

Полштоф скоро был осушен пришлось послать за другим. Казенная винная лавка, разумеется, была уже закрыта, но беспатентная продажа вина из частных домов была в полном разгаре, благодаря чему можно было доставать „монопольку“ во всякое время дня и ночи.

Уже начинало светать, когда „дорогой гость“ убрался во-свояси. Нам так и не пришлось поспать в эту ночь. Особенно матери досталось. Она положительно исхлопоталась, стряпая разные пирожки и булочки, которые хотела положить мне в дорожку.

В десять часов утра я пошел к земскому начальнику. Там я получил бумагу о своем назначении, выслушал несколько начальнических поучений и, воротясь домой, тотчас же стал снаряжаться в путь.

Вечером того же дня я уже выехал в Кошкино, напутствуемый благословениями родителей и усердными доброжеланиями соседей, собравшихся проводить меня.

V

От города до Кошкина считалось сорок пять верст. Эти сорок пять верст нужно было проехать по от-

вратительному земскому тракту, превратившемуся после дождей в болото, ввиду чего мне предсказывали, что попаду я в Кошкино не ранее полудня следующего дня. Подвода была взята из подгородней деревни, куда отец заблаговременно сбежал утром. Там, во всяком случае, запрашивали вдвое дешевле за прогоны, чем в городе. Вдобавок, я был хорошо знаком с нанятым отцом ямщиком, который поставлял дрова для городского училища, где все ученики его знали. Он тоже был удивлен, когда узнал, что я назначен на должность волостного писаря, и долго хлопал руками о полы своего армяка.

— Молодец, Ванюша! Право, молодец!—повторял он, выезжая со мной из города.—Прямо в волостные. значит? Ну, удружил, братяга. А я думал, в сельские тебя? Давеча тятка твой прибер, говорит мне: подавай лошадь, Захар, вези Ваню в Кошкино. Он в писаря там едет... А мне, дураку, и невдомек, что в волостные. Я думал, в сельские... Ах ты, зеленая маковка! Счастье тебя поискало!

— Да, можно жить. Жалованья там двадцать рублей в месяц,—похвастался я, гордясь своим назначением.—Вот только не знаю, как служба пойдет? Видишь, без всякой я подготовки...

— Научись!—утешил меня Захар.—Сначала все ничего не знают, а потом наводят же. Об этом говорить нечего. Ведь, бывали же такие случаи...

— Какие случаи?

— А вот такие...—ответил Захар и привел мне несколько убедительных, по его мнению, примеров, когда ничего не знающие люди „наострялись“ по разным специальностям.

Я возразил ему на это, что все-таки лучше было-бы знать что-нибудь, чем ничего не знать. Он вполне согласился с моим мнением и усердно занялся лошадью, которая без кнута, повидимому, совсем не умела бегать.

Я оглянулся назад и у меня мучительно—больно сжалось сердце. Там оставалась родная семья, „свой“ город, школьные друзья—товарищи и все, к чему я был привязан с детства

и что было дорого и мило для меня; впереди же открывалось неизвестное будущее, перед воображением встали чужие люди, представлялась как бы в тумане новая служба, на которую я спешил. Мне было жутко и тоскливо. В груди что-то болело и ныло. Разлука с родными действовала на меня удручающе. Я так привык находиться „под родительским попечением“, что предстоящая мне жизнь „на чужой стороне“ не на шутку пугала меня...

Долго мы путешествовали по земскому тракту. Захар хлестал лошадь, ругался, но усердие его не вело ни к чему. Грязь была буквально по колено. Зачастую встречались рытвины, овраги, наполненные той же грязью, и лошадь с видимым усилием тянула телегу, засевшую в глубоких колеях дороги. На колесах образовались другие ободья из грязи, крайне затруднявшие движение. Захар то и дело сбивал их кнутовищем и делал нелестные замечания по адресу полицейского начальства, на обязанности которого лежало наблюдение за исправным содержанием земского тракта.

— А разве сами крестьяне не могут поправить дорогу без понуждения полиции?—спросил я, хорошо зная, что содержание в порядке грунтовых путей составляет так называемую „натуральную повинность“ крестьян.

— Как не могут!—махнул рукой Захар.—Только без приказа никто и пальцем не шевельнет. А вот, если бы собрал нас становой да покричал на нас, тогда бы живо поправили! А без начальства—куда тебе!

— Да разве не все равно? Ведь вам же всем польза от дороги. Взяли да и поправили.

— Поправили? Эх, сказал!.. Да коли мы своей пользы не понимаем, а начальство не приказывает? Вот и поправляй тут... Вестимо, бывают иногда и поправки, но какая? Только видимость одна. Нет уж ты, Ваня, не толкуй... не способны мы. Не охочи мы мирское дело делать без принуждения. Согласия, согласия у нас нет промеж себя. В обществе всегда грыземся...

Захар достал из кармана трубку,

набил ее махоркой, закурил и пустил в рассуждения о том, почему у них в крестьянском быту всегда разногласие и путаница. У крестьян земли мало, они ее делят, урезают друг у друга, грызутся из-за каждого клочка,—вот и вражда возникает. А потом натуральные повинности: исправление дорог, тушение лесных пожаров, содержание общественных изгородей, выборы в десятские, сотские, пожарные старосты, полесовщики, все это вызывает дразги и ссоры, осложняет отношения между сельчанами, потому что всякому хочется свалить тяжелую повинность на другого,—в результате вечная „канитель“, в которой трудно разобраться...

— У нас всегда так... завсегда смутянство какое-то,—заклучил Захар и снова занялся лошадей, а я погрузился в свои думы, прислоняясь к положенной за спиной подушке.

О чем же думал я? Я и сам хорошенько не знаю. Сначала я думал, кажется, о том, что трудно жить в писарях при таких „мутянствах“. Всякому надо угодить, всякому разъяснить, в чем дело... А потом завертелись в голове разные мысли, которые, бог весть, откуда являлись. Это было похоже на мечты, но мечты бессознательные, странные, совершенно неожиданные для меня. Например, такая картина. Я—волостной писарь. Я—молодой человек, безупречный во всех отношениях. Вот я иду по селу, с тросточкой в руках (непреренно с тросточкой). Передо мной все мужики снимают шапки. Встречаются священник, дьякон, фельдшер, урядник. Я пожимаю им руки, болтаю о всяких пустяках. Они приглашают меня к себе, угощают чаем и... и вином. Без вина какое угощение?—„А, пожалуй, ведь придется по рюмочке выпить... для компании“,—думаю я и тут же решаю, что лучше немножко пить, чем совсем не пить. А от маленькой выпивки худо не будет... И я выпиваю по рюмочке... Я—равноправный член деревенской аристократии...

А вот и другая картина (это уж

был афронт). В волость приезжает земский начальник, находит у меня какую-то неисправность и пробирает меня за это. „У тебя, Котельников, везде беспорядки!—внушительно рявкает он: А беспорядков я не терплю! Вот то-то и то-то исполни, а иначе—к чорту тебя!..“

— И я дрожу, как осиновый лист, и бормочу: „Слушаю, ваше высокоблагородие“.—„Не слышу!—рычит земский—говори громче!“—и я повторяю: „Слушаю, ваше высокоблагородие, будет исполнено“... А самого так и трясет, точно лихорадка со мной приключалась...

А мысль моя уже летела вперед, просто удержу ей не было. Мне представлялось в будущем много таких вещей, о чем я даже не подозревал раньше. Бог-знает, откуда это бралось: я с детства не был фантазером. В заключение я до того дошел, что воображение нарисовало мне такую нелепицу. Я обжился в Кошкине, я со всеми крестьянами перезнакомился, я настоящим дельцом стал. И вижу я, что мужики тащат ко мне муку, мясо, масло, молоко,—тащат и кланяются: „Только прими, батюшка, а там уже столкнемся с тобой. Ты всякие дела вертишь, а у нас тяжбы да раздоры. Где можно, ты по нашему повернешь. А это тебе благодарность... благодарность!..“—„Да я по закону должен поступать, а не поблагодарности“,—как будто упорствую я, а сам уже протягиваю руку за приношениями, благо дают без просьбы.—„А если много муки да масла соберется, я стану возами в город отцу отправлять. Пусть мама порадует. Она никогда еще не жила в полном достатке“...

— Но, сивая, но-о!—заорал Захар, и я сразу очнулся от своих мечтаний, которые были столь разнообразны...

Я обвел по сторонам рассеянным взглядом. Кругом был лес и лес, тонувший в надвигавшихся сумерках, придававших еще более дикий вид грязной дороге, уходившей вперед немного извилистою лентой. Сверху моросил дождик, сыпавший мне прямо в глаза, что производило до-

вольно неприятное впечатление. Между деревьями шумел ветер, вызывая какое-то неясное чувство тоски в моей душе. Я понурился и молчал. Телега медленно ползла по тракту, превратившемуся в настоящее месиво, вызывающее неумолчную воркотню Захара... А сумерки все сгущались и сгущались. Лес становился чернее. Мутносерое сначала небо потемнело еще сильнее, откуда-то понесло холодком, который властно забирался под одежду, заставив меня спрятаться под старенькое ватное одеяло, защищающее от ветра и прохлады...

Колеса у тарантаса слегка поскрипывали, грязь шлепала и чавкала под копытами лошади, возница лениво покачивался на козлах и мурлыкал какую-то песенку, не помышляя уже о быстрой езде, которая была положительно невозможна. Я поплотнее укутался в свое, родительское, одеяло и, кажется, скоро заснул, убайканный этими монотонными звуками. Проснулся я уже под утро, когда Захар заговорил с кем-то громко и отрывисто, помяная мое имя и Кошкино.

— Нового волостного писаря ве-зу... Котельникова,—говорил он, отвечая на чей-то вопрос.—Что, не слышал о таком?

— Где же слышать,—отозвался на это гнусавый мужской голос, покашливая.—Ведь я городских мало знаю.

— Небось, узнаешь теперича... потому как ты—сельский писарь, а волостной над тобой как бы начальником...

— Ну, это как придется... А, впрочем, что ж? Мы очень рады... ежели назначил земский. А ты у кого здесь остановишься?

— У свата. Ефима, вестимо. Хотел было на проход до Кошкина ехать, но лошадь совсем упарилась. А тут еще пятнадцать верст останется. Придется поневоле привернуть.

— Ладно, привертывай. Я тоже приду туда... с новым волостным писарем познакомиться.

— Захар щелкнул кнутом, чмокнул губами, крикнул свое обычное: „Но-о, сивая, но!“—и телега трону-

лась с места, где она, кажется, застряла в глубокой колее дороги.

Я вылез из под одеяла и увидел, что было уже совсем светло. Мы тащились по селу, вытянувшегося по обеим сторонам земского тракта. Около домов виднелись мужики и бабы, принимавшиеся за свои обычные занятия. Кто запрягал лошадей в телегу-таратайку, кто поил коров в придорожных канавах, кто постукивал топором под окнами. Я порядочно продрог в ночной прохладе и спросил у Захара сиплым голосом:

— Это какое село?

— Зуйкино. Тоже Кошкинской волости. Здесь сельский писарь живет, Пантелеев по фамилии, с которым я сейчас разговаривал. Вот познакомишься уже. К свату Ефиму он хотел прийти. Я ведь завсегда у Ефима останавливаюсь. А вот и его изба,—указал Захар на старенький, почерневший от времени дом с маленькими подслеповатыми окнами, стоявший около дороги.—Тут мы отдохнем мало время, а потом уже до самого Кошкина.

Мы подъехали к крыльцу, на котором вскоре же появился „сват Ефим“—низенький, коренастый мужик, с красным веснушчатым лицом, озаренным приветливой улыбкой. Он дружески поздоровался с Захаром и, узнав, что я волостной писарь, сделался еще любезнее.

— Марья, самовар ставь!—крикнул он в избу и рассыпался передо мной в извинениях, что „все у них грязно и неубрано, так что даже хороших людей совестно“.

Я, конечно, попросил его „не беспокоиться“ и поспешно вошел в теплое место, чтобы отогреть забнувшие члены. За чаем я разговаривал с Ефимом на самую близкую мне тему о волостном самоуправлении, и—странное дело—Ефим, как и все другие, распространялся только о том, что в писарях „можно нажиться“, что все писаря наживаются, которые „умеючи живут“.

— Например, суд будет волостной,—ораторствовал он.—Известное дело, писарю пожива тут. Всякий оправдания ищет, всякому по-своему повернуть дело хочется, ну и дают

писарю. А писарь все может сделать. Он и закон найдет, он и закон обойдет... и пятое, десятое там. Как писарю там не нажиться? Это смешно даже... Уж ежели нашей сельской власти иногда перепадает... сельскому писарю, например...

Ефим осекся и смолк. Под окном мелькнула чья-то длинная, как жердь, фигура, застучали тяжелые сапоги на крыльце, и в избу влез высокий сухощавый мужчина, с узкими плечами и плоской грудью, выдававшее в нем человека если не чахоточного, то все же довольно болезненного. Лицо его было маленькое и круглое, как у десятилетнего мальчика, что, при отсутствии бороды, придавало ему крайне своеобразный вид, особенно при несоответствии его долгой фигуры с крошечной головой. Захар подтолкнул меня:

— Это сельский писарь здешний... подчиненный твой...

— Здравствуйте,—гнусавым голосом проговорил вошедший, обращаясь исключительно ко мне.—С приездом вас!

Он протянул руку, и мы обменялись рукопожатием. Он продолжал:

— Вы в Кошкино назначены волостным писарем?

— Да, в Кошкино.

— Ох, очень приятно! А я пришел с вами познакомиться. Зуйкинский сельский писарь Пантелеев, по имени Дмитрий, по отчеству Емельянов. Под вашим руководством придется служить... исполнять, так сказать, ваши предначертания...

— Да, придется послужить,—ответил я, озадаченный подобною торжественностью.—А что касается руководства, то где же мне вас учить, когда я только что поступаю на должность...

— Тогда мы вас сами подучим, молодой человек!—ухмыльнулся Пантелеев и присел рядом со мной на лавку. Ефим предложил ему чаю. Он закрутил своей маленькой головкой.

— Благодарю, спасибо. Сейчас пил. А вот, если бы водочки, так я бы с нашим удовольствием...

— Не говори этого при волост-

ном писаре,—шутливо погрозил ему хозяин.—А то до начальства дойдет, что зуйкинский сельский писарь пьянством занимается.

— Э, что за беда!—задорно возразил он.—Я пью, да службу и служу. Значит, никому не указ, что я пью. Да-с! Вот что-с! Коли у меня дела в порядке... А трезвенникам я даже многим могу нос подтереть! Да-с!..

И он победоносно посмотрел на меня, точно хотел мне сказать своим взгядом, что и мне он может „нос подтереть“, если захочет. Это меня покорило. Я сразу понял, что сделал промах, сознавшись в своей неопытности. Надо было, по крайней мере, показать силу власти и значения, какое я имел перед сельским писарем. И я проговорил значительным тоном:

— А, по моему мнению, пить много не годится... особенно в вашем положении. Если вы заправду пьете, то лучше бросьте. Я вам говорю!

— Это на каком основании?—вытянул шею Пантелеев, оглядев меня с ног до головы.

— А на таком, что земский начальник поручил мне наблюдать за сельскими писарями,—солгал я.—Если-де кто пьянствовать начнет, донесите об этом мне, и я того с места долой...

— В двадцать четыре часа!—захирикал Пантелеев и вдруг сделался таким ласковым, унизительно-покорным, что мне даже противно стало.

„Вот что значит поставить

себя“,—подумал я и решил, что с низшими даже и мне, волостному писарю, придется обращаться посуровее, чтобы не давать им козыря в руки...

— А славно ты отбрил долгоногого-то, Ванюша,—говорил мне потом Захар, когда мы выехали из Зуйкина в Кошкино.—С ними иначе нельзя. Живо зазнаются!.. В струне их надо держать... А сначала ты опешил, кажись. А он петушиться давай. То же ведь служащий человек, подумаешь. Восемь рублей в месяц получает! Эх, хоть бы не форсил уж!

А я, почему-то, не торжествовал. Не радовала меня „победа“ над Пантелеевым. Я видел, как при имени земского начальника задрожала у него нижняя челюсть, как он „залебезил“ передо мной, стараясь сгладить первое недриятное впечатление,—и мне стало его жалко. Зачем я его напугал? Быть может, он просто хвастался, не думая задевать меня?.. Но, с другой стороны, нельзя же мне было не поддержать своего авторитета (и это словечко было уже мне знакомо). Без острастки бы совсем он зазнался. Шут с ним! Если он нос задрал, значит стояло ему „науку задать“, чтобы вперед неповадно было. И я уже не раскаивался в том, что осадил долгоногого сельского писаря.

Было около трех часов пополудни, когда я приехал в Кошкино—место своего предстоящего служения.

КАНЬ ГОЗЪЯ ДА НАЛӨН ПИ

(Челядьлы лыддьом вылө)

И. ВАВИЛИН

Кань гозъялөн өтчюд чужис
Ичөт-ичөт пи.
— Мый жө пилы—мамыс шуө—
Нимсө сетам ми.
Медым пиным лоас тэрыб,
Пуктам нимсө—Көч.
Кысь нө корсян сыысь бурсө?
Мөдног, дерт, он вөч.
— Көчюд полысь,—шуө батысь,—
Көть и кокыс чож.
Медым пиным лоө повтөм—
Нимсө сетам—Ош.
— Ланьт тэ, ошкыд полө биысь,—
Гөтыр лэптис ки:
— Сидз кө 'мед жө миян пилөн
Нимыс лоас—Би.
—Тадз оз артмы!—горзө верөс.—
Битө кусө морт.
Да и мортыд, сійө, миян
Медматыса ёрт.
— Морт вай пуктам нимсө пилы,
Лоас медся шань.
Төдан, мортыд каньлы сетө
Чөскыд йөв да нянь.

СЕНТЯБРЬ ПЕРВОЙ ЛУН

(Челядьлы лыддьом вылө)

Л. ПАВЛЕКОВ

Локтө асыв. Муртса югдө.	Тайө луныс оз вун менам.
Ылын төдчө кыа сер.	Талун—сентябрь первой лун.
Эзысясьө воддза пужйөн	Мамө садьмөдіс да шуө:
Карта сайын потшөс йөр.	Школаө пө, пиө, мун.

Шонді петіс югыд, гажа.
Луныс пуксьө вывті бур.
Тайө лунсянь школа классыи
Кута югдөдны ме юр.

СОДЕРЖАНИЕ

Пав. Доронин. Гражданской война Коми крайны	3
Н. Рочев. Пограничниклӧн письмӧ (стих)	23
* * * В. Маяковский	24
Н. Самарин. Мед олас мудрой Сталин (стих)	27
Сергей Морозов. Повтом разведчик (гражданской войнаысь эпизод)	28
П. Артеев. Вылка йылысь висӧт (стих)	32
В. Ермаков. Войвывса изшом (очерк)	33
И. Вавилин. Дружной коллектив (стих)	37
„ Страна пасыта (стих)	41
С. Маршак. Кызь арбса (стих)	43
М. Лебедев. В волостном омуте (начало повести)	44
И. Вавилин. Кань гозья да налӧн пи (стих)	63
Л. Павлеков. Сентябрь первой лун (стих)	—

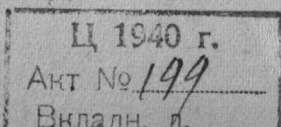
Отв. редактор Н. А. Улитин.

Техн. редактор О. Размыслова.

Обложка художн. М. Безносова

Упомя. Главлита № 1607. Заказ № 762. Издание № 5. Стат. формат бумаги 72×108, 1/4,
печ. листов 4,0. 66000 знаков в п. л. Тираж 1000 экз. Сдано в набор 3/II-40 г.,
подписано к печати 3/IV-40 г.

Типография НКМП, Коми АССР, г. Сыктывкар, Дом печати.

СУДЗӨДӨЙ, ЛЫДДЫЙ! ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМИ ЖУРНАЛ „УДАРНИК“

ЛЭДЗӨ КОМИ АССР-са
СОВЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОГО СОЮЗ

Журнал „УДАРНИК“ петö быд тöлысын öтчид.

Журналын печатайтсыны партийной да советской руководящей материалъяс, общественно-политической, исторической да научной вo-просъяс кузя статьяяс.

1940-öд воын журналын лöб печатайтöма коми художественной выль произведениеяс татшöм авторъяслыс: В. Юхнин—„Алöй лента“ (романлöн продолжение); М. Н. Лебедев—„Кык тун“ (фольклорной ма-териал вылын исторической пьеса, выль стихотворениеяс); Я. Рочев—„Кык друг“ (повестълöн продолжение); П. Доронин—„Остапов“ (граж-данской войнаса герой йылыс пьеса), „Парма сёлöмын“ (романлöн про-должение); Н. Дьяконов да С. Ермолин—„Устькуломской восстание“ (трагедия); Н. Заболоцкий—„Кык шуд“ (пьеса), выль повесть; И Пыс-тин—„Важся ягын“ (пьеса); Н. Фролов—„Шыпича“ (фольклорной ма-териал вылын гижöм драма). Лöб печатайтöма выль рассказъяс да стихотворениеяс А. Шамановлыс, М. Шестаковлыс, Ф. Щербаков-лыс, Ан. Размысловлыс, А. Габовлыс, В. Елькиныс, С. Морозов-лыс, И. Можеговлыс, Г. Федоровлыс, С. Поповлыс, В. Ермаков-лыс да мукöдлыс.

„УДАРНИК“ журналын печатайтсыны народной творчествомъс произведениеяс: мойдъяс, сьланкывъяс, частушкаяс да с. в. Печа-тайтсыны комиöн советской да иностранной художественной литера-турамъс медтöдчана произведениеяс.

Журнал „УДАРНИК“ колö судзöдны быд библиотекалы, клубы, лыддысян керкалы, гöрд пельöслы, школары, советской да партийной учреждениеяслы.

Журнал „УДАРНИК“ колö судзöдны да лыддыны рабочейяслы, колхозникъяслы, вöрлэдзсысяслы, велöдчысяслы, культурной да науч-ной работникъяслы.

„УДАРНИК“ журналлöн 1940-öд во выль подписной доныс:

3 тöлыс выль 4 ш. 50 ур.
6 тöлыс выль 9 ш.
12 тöлыс выль 18 ш.

Подписка босьтсьö „Союзпечатьöн“ быдлаын—поштовой отделе-ниеясын, письмоносецъясöн.

Торъя номерлöн доныс 1 ш. 50 ур.

Коми АССР-са Советской Писательского Союз.